

ОДНО НЕБО

КСЕНИЯ
БАРЧУК

16+

Ксения Николаевна Барчук

Одно небо

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42610356

SelfPub; 2022

Аннотация

Великобритания, вторая половина XIX века. Роман повествует о тайной любви слишком поздно встретившихся людей. Повседневная жизнь высшего общества – блистательная, яркая и где-то жестокая. Герои – молодые аристократы – сами до конца не осознают, что являются его частью больше, чем им бы хотелось. Пока ты действуешь в рамках, установленных этим обществом, оно тебя ласкает, но нарушить его устои не позволено никому, даже самым любимым его детям. Накануне своей свадьбы юная Маргарет Браун неожиданно влюбляется в мимолетное видение на противоположном берегу Темзы.

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	11
Глава третья	23
Глава четвертая	30
Глава пятая	49
Глава шестая	55
Глава восьмая	85
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Ксения Барчук

Одно небо

Глава первая

День был прекрасным, потому что такие бывают только в начале мая, любого мая на земле, и совсем не важно, где начинался этот май, главное – он начинался....

Робкое весеннее солнце пробралось в комнату и залило нежным светом ее постель. Мэгги улыбнулась и открыла глаза.

– Пять дней, осталось всего пять дней!

Легко и быстро, эта мысль давала ей силы в начале каждого дня, она спорхнула с постели, подошла к окну и открыла шторы. Сначала она даже не нашла слов, выразивших ее восхищение, только чувство бескрайней радости залило сердце.

– Боже! Какой сегодня день!

Слегка скрипнувшая дверь отвлекла ее внимание. Это была ее служанка.

– Джейн, входи, я уже не сплю.

– доброе утро, милая.

– доброе. Скажи, ты уже видела чудесный день за окном?!

– Конечно.

—А, знаешь, почему он так прекрасен?

— Нет.

— У меня ведь свадьба через пять дней!

Джейн засмеялась. Она была лучшей подругой Мэгги после ее сестры. Можно считать они выросли вместе. Скромная девушка и надежный друг, она любила Мэгги и помогала ей во всем.

— Я знаю. И знаю, что сегодня много дел.

— Да-да. Нужно в последний раз примерить платье, выбрать букет для венчания, и столько всего обсудить с мамой и Энн.

Пять дней оставалось до ее свадьбы с Джеральдом Томпсоном. Весь уважающий себя Лондон узнал об этом событии два месяца назад на организованном отцом Джеральда балу. Высшее общество было приятно удивлено, и действительно, Мэгги Браун и Джеральд Томпсон, по общему мнению, прекрасно подходили друг другу, даже не так, их семьи, регалии, состояния, благородные во всех поколениях и смыслах фамилии, удивительно подходили друг другу. Было бы странно, если бы они не связали себя узами брака. Молодые, красивые, богатые аристократы идеальная пара для не наигравшегося в детстве в куклы. Общество любит такие браки, без малейшего изъяна.

Новость эта молниеносно облетела весь город и его окрестности, застав кого-то в постели от ужасной мигрени, кого-то на балу, кого-то на тихой утренней прогулке, кого-то

за чашкой чая или бокалом вина, а кого-то просто застав врасплох. Она пробралась во все щели, во все поры, завладев каждой клеточкой этого города, переменяла саму его жизнь, заставив жить по-новому, дышать по-другому, засыпать ночью в ожидании скорейшего наступления нового дня, приближающего его к самой грандиозной, шикарной и ослепительной свадьбе за последние пять, а может и десять лет.

И неудивительно. Для этого нужно было знать кто такой Джеральд Томпсон, и кто такая Маргарет Браун.

Начнем с того, что он был безумно богат. Вообще, для многих этим можно было бы и закончить, но нет, Джеральд был просто кладезем достоинств. Он окончил Оксфорд, открыл свою фирму и жил в шикарном особняке в центре Лондона. Но это только одна сторона медали. Высокий, сложенный по подобию Аполлона, брюнет, с темно-кариими глазами и выразительной улыбкой, очаровывал всех вокруг. Он был уверен, но мягок, дерзок, но в пределах этикета и обладал сильнейшим обаянием, под которое попадали даже очень стойкие люди.

Его отец был высокопоставленным политиком. Он многого добился в жизни сам. Не очень знатного рода, но богатый, он женился на Имоджин, когда ее семья практически разорилась. Если бы не это важное обстоятельство, она никогда и не посмотрела бы в его сторону. Высокомерная и холодная, настоящая аристократка, старинного рода, была весьма щепетильна в вопросах крови и ужасно переживала, что вы-

нуждена выйти замуж за (по ее мнению) плебея. Да, она всегда мечтала соединить свою судьбу с представителем не менее древнего и чистокровного рода, чем и ее собственный. Но судьба распорядилась иначе. Это был один и из ужаснейших дней в ее жизни, когда отец объявил ей свое решение.

Оскара она не любила, потому что не могла любить никого кроме себя, да и вообще женщине ее происхождения и положения не полагалось любить супруга по определению. И только с течением лет, когда ее муж поднялся так высоко на своем посту, а ее семья стала одной из самых влиятельных и богатых в стране, Имоджин несколько смирилась. Да, ее супруг до сих пор не был чистых кровей рыцарем короля львиное сердце, но еще в начале своей карьеры ему удалось купить себе несколько высоких титулов, а благодаря его таланту и, конечно, богатству уже никто не знал или не помнил истинного его происхождения.

И теперь оставалась еще одна важная задача в ее жизни – женить сына. Достойную партию для него подбирали долго, даже слишком, она просто устала от постоянного своеволия Джеральда и его бесконечных подруг. И все ж настал тот день, когда как говорила в последствии Имоджин: «Небо сжалилось надо мной». Не берусь утверждать, что это действительно было небо. Но как бы там, ни было Джеральду, понравилась юная, Мэгги Браун. И, как ни странно, она подходила под лекало самой Имоджин просто идеально. Древний аристократический род, в котором не было грешка, как

в ее собственном, из-за не слишком знатного происхождения супруга. Имоджин была в этом уверена, потому что досконально знала всю родословную благородных семейств Англии с двенадцатого века. Мэгги была прекрасно воспитана, скромна, очень красива, ну и как показалось Имоджин, умна, хотя это было не столь важно для невесты ее сына. По правде, из всех претенденток высшего света, рассмотренных заботливой миссис Томпсон, за последние пять лет, Мэгги была лучшей. Все сложилось как нельзя лучше, Мэгги влюбилась в Джеральда, семьи дали согласие и назначили день свадьбы.

На это время Мэгги было восемнадцать лет, и жизнь была прекрасна.

Так и началась эта довольно обычная история. Повторяющаяся уже сотни лет и, возможно, она и закончилась бы, как и все остальные, но сегодня этот необыкновенный день заставил Мэгги пройти пешком. Получается он и был виноват.

– Воздух такой чистый, редкость для этого города.

– Я знала, что нужно прогуляться, такой день может и не повториться никогда. Для меня точно.

– Мэгги, ты и правда думаешь, что с замужеством жизнь заканчивается? – иронично поинтересовалась Джейн.

– Да, – засмеялась в ответ Мэгги, – как я могу так думать, когда я на седьмом небе от счастья, но замуж выходят один раз, эти дни бесценны.

– А что там, на седьмом небе, может, расскажешь жалким людишкам?

– Тебе нравится смеяться надо мной! Хорошо...там...на седьмом небе...там пушистые облака...

– Что еще?

– Ангелы.

– Наверное, они качают тебя на руках?

– Да! И от этого кружиться голова!

Девушка закружилась на месте, солнце и небо мелькали перед глазами.

– И они, – Мэгги захлебнулась от смеха и нехватки воздуха, оперлась на изгородь и замерла.

Она увидела на противоположном берегу реки светящееся, улыбающееся ей лицо. Такое неотразимо красивое, сияющее взгляд. Мэгги смотрела на него неотрывно, широко раскрыв глаза, даже сердце кольнуло. Она улыбнулась в ответ, забыв обо всем. Шум улицы куда-то пропал, весь мир исчез, остались только она и это лицо. Что-то случилось, кто-то заслонил его, оно потерялось в толпе, сияние растворилось! Мэгги не могла найти его, ей захотелось закричать, но как его позвать? Остался свежий ветер, развивающий волосы и тепло его взгляда, разлившееся по телу проникая в душу.

– И они...что они?

– Что, – прошептала Мэгги.

– Ангелы, ты не договорила.

– Ангелы...они улыбаются мне. Сегодня ангелы улыбают-

ся мне...они красивые, никогда не думала, что бывают такие красивые...

– Разумеется, разве им можно быть не красивыми. Идем.

– Идем, – рассеяно проговорила девушка, все ища это лицо в толпе на другом берегу.

Глава вторая

– Как было любезно с твоей стороны, специально замедлять шаг и ждать, когда нас толкнут, или собьют с ног. Я говорил, не нужно идти пешком.

– Извини, Том, но, когда ты начал рассказывать об очередном семействе лондонской элиты, мне стало так скучно. Я посмотрел на противоположный берег и...

– Ну, вооот, опять, – запричитал юноша, – Майкл, я очень тебя прошу, не останавливайся, по крайней мере, пока мы не выберемся отсюда.

– Извини.

– Ну, так что там на том берегу? – бросая косой взгляд на друга, спросил Том. Уж очень странно выглядел его попутчик.

– Чудо! Какую богиню я видел, она улыбнулась мне...

– Где? Покажи?! – резко оглядываясь в направлении, указанном другом.

– Я потерял ее, – неопределенно глядя вдаль, пробормотал Майкл.

И тут Том, окинув быстрым взглядом весь противоположный берег, потом всю водную гладь, разделявшую их, скептически заметил: «А что, вообще, можно разглядеть с такого расстояния, естественно она показалась богиней».

– Скажи, что просто завидуешь. Куда же она исчезла?

К этому моменту они выбрались из толчеи и, Майкл, всю вглядывающийся в противоположный берег, уже не мешал движению. Том смотрел на него с улыбкой.

– Может, перелезешь через перила и поплывешь туда, до моста далековато...

– Том, клянусь, это был ангел! Ты когда-нибудь видел ангела?!

Друг засмеялся.

– Да, верю. Майки, два дня как в Лондоне, а уже влюбляется на каждом шагу, боюсь даже выводить тебя на следующую улицу, там всегда гуляет столько красоток.

– Перестань смеяться! Я видел, видел ее и очень хорошо, ни с кем не спутаю ее лицо.

– Я рад, что у тебя такое превосходное зрение, но думаю, нам нужно идти.

– Я хочу найти ее.

– Майк, это глупо, сейчас ты все равно не найдешь ее. Идем, если она из высшего света, ты ее еще обязательно встретишь.

Майкл не отрывал взгляда от места появления ангела.

– Хочу заметить, твой дядя ждет нас, – пошел на крайние меры Том.

– Да... да, ты прав.

Том тряхнул друга за плечо: «Уже не смешно, идем». Майкл бросил прощальный взгляд на другой берег, и они

продолжили путь.

Николас О'Генри уважаемый политик, влиятельный и богатый человек, родной брат отца Майкла, жил в старом, фамильном доме. Старом только по тому времени, что он здесь простоял; в остальном внутри было все реставрировано, вся прелесть старины в своем новом не слишком измененном облики, завораживала взгляд, дом был обласкан деньгами своего состоятельного хозяина.

Ему было за пятьдесят, он никогда не женился и не имел внебрачных детей, поэтому всю отцовскую любовь отдавал единственному племяннику.

Майкл знал, что унаследовал от любимого дяди решительность, целеустремленность и поразительное упрямство, неутомимого идеалиста, как называли в семье Николаса. Он занимался политикой страстно, со всей силой характера и воли.

Не в пример старшему брату Филипп отличался большей мягкостью, романтизмом и легкомыслием. Его никогда не интересовала политика, глобальные проблемы и прочая суета. От отца Майклу достались простое жизнелюбие, доброта и мечтательность.

Их роду насчитывалось несколько веков благородных кровей Англии. Они имели огромное состояние, многочисленные земли, бесчисленное количество званий, регалий, почестей и наград за заслуги перед королевством. А главное, как бы негласное правило, многие поколения английских

аристократов произносили имя этой династии с искренним уважением, потому что О'Генри действительно были достойными, всегда оставаясь честными и благородными. Один из немногих, их род никогда не терял лица, какие бы жизненные испытания не выпадали на его долю.

Это было, самой главной гордостью братьев Николаса и Филиппа, оставшихся на сегодняшний день единственными представителями этого рода и наследника Майкла. В этом они были схожи с Томпсонами, возлагавшими свои надежды на Джеральда. Но в отличие от Имоджин, которая точно не успокоится, пока не увидит внука, брата О'Генри относились к этому легче. Никогда семья не заставляла их жениться, а только склоняла. Майкл часто слышал из уст дяди довольно фатальные слова: «Если нашему роду суждено закончиться на нас, то так и будет».

В такой свободной для развития личности обстановке и рос наследник рода О, Генри, честный, вольнодумный, прямолинейный, иногда даже слишком. Он никогда не страдал снобизмом, добивался цели своими силами и считал всех людей равными, что каждый должен показать, что он представляет сам, не скрываясь за положение в обществе. Учился Майкл усердно, с отличием окончил Оксфорд и мечтал заниматься любимым делом.

Его выбор стать юристом раскрывает его характер. Главным в жизни Майкл считал справедливость, и его просто трясло, когда он видел, что ее попирают. Конечно, его юно-

шеская голубая мечта заключалась в приближении мира к тому царству справедливости, которое должно же в конце концов наступить. А сейчас он просто хотел приносить хоть сколько-нибудь пользы людям. И еще, был у него такой талант или дар, как кому удобнее называть, Майкл очень хорошо чувствовал настоящее, чего бы это не касалось, от сорта чая до искренности человека, говорящего с ним, он всегда знал, истину.

Том, казалось бы, сильно отличавшийся от друга, тем не менее, понимал его сумасшедшие мечты в юности и разделял его взгляды в настоящем. Иначе, не было бы, между нами, настоящей дружбы, просто он был больше материалистом, нет скорее реалистом, а может, более легкомыслен и беспечен, он и сам не знал.

А сейчас два друга позвонили в дверь того самого дома Николаса О'Генри.

Через мгновение она распахнулась взволнованным лакеем. Он посмотрел на них сначала с надеждой, сменившейся твердой уверенностью и воскликнул: «Мистер, Майкл!!!»

Майкл широко улыбнулся.

– Здравствуй, Стивен.

– Как вас все ждали, мистер Майкл!

– А где дядя?

– Да здесь я, – раздался из гостиной голос Николаса, выходящего на встречу, – вот, мой мальчик, наконец! Дай я обниму тебя!

– Как я рад вернуться домой, – сжатый в крепких объятиях прошептал Майкл.

– Домой, конечно, рад. Как отец? Обещал приехать?

– Звал тебя к нам.

– Всегда у него так, ладно появиться время. Том, мы и забыли про тебя! Ничего не вижу кроме племянника.

– Доброе утро, – поздоровался смеющийся Том, – люблю теплые встречи.

– А ты уедь куда-нибудь на пару месяцев, увидишь, как потом тебя будет душить в объятиях отец. Бедный Майкл испытывал это два раза в год, на Рождество и летние каникулы.

– Нет, благодарю, я тоже учился в Оксфорде, воспоминаний достаточно.

Все засмеялись.

– Вы голодны, наверное, ужасно. Быстрее к столу.

За столом друзей неустанно расспрашивали и откармливали.

– Ты так и не передумал прямо сейчас начать практику? Не хочешь пару лет побездельничать, составить Тому компанию? Посмотри, как у него загорелись глаза! – засмеялся Николас.

– Нет, дядя, Тому я, конечно, компанию составлю, но о своей мечте я не забыл.

Николас довольно улыбнулся и подумал: «Я всегда знал, что ты вырастешь мужчиной».

– Отец не думает переехать в Лондон?

– Я этого очень хочу, но он не обещает.

– Зря, какой смысл жить там одному.

– Он не любит город, как и я.

– Знаю, но ты же приехал.

– Я не буду его заставлять и потом там его любимые лошади.

– Да, только лошади... Как лондонский дом, Майкл? Я был там позавчера, проверял, как готовятся к твоему приезду.

– Прекрасно и вашими трудами не заметно, что уже пятнадцать лет там никто не жил. Старый Уилл встретил меня прямо как в детстве.

– Кажется, ему скоро лет сто исполниться, он служил там еще до женитьбы Филиппа. Да, Майкл, я говорил с Джеральдом Томпсоном, он с радостью готов поделиться с тобой опытом и принять юристом.

– Это замечательно, дядя! Когда можно будет с ним встретиться?!

– У него свадьба в конце недели. Но, вероятно, Том уже оповестил тебя.

– Не успел, – ответил Том, – Майклу не особо интересны светские новости, вот, например, сегодня нас чуть не раздали, когда я пытался осветить его далекий от бурной светской жизни ум.

Николас засмеялся.

– Ужасно скучно, – оправдался Майкл.

– Ну да, отшельник.

– Просто это событие имеет непосредственное касательство к самому Тому, поэтому я удивлен, что он не рассказал новость самой первой, – вклинился Николас.

– Оставлял на десерт.

– Так в чем дело, – уже более заинтересовано узнавал Майкл, – какое отношение может иметь Том к любому проявлению такого события как свадьба? Я даже сомневаюсь, что эти слова когда-нибудь будут использоваться в одном предложении, – отомстил за отшельника Майкл.

– Дай Бог, Майки, дай Бог, – протянул Том с улыбкой.

– Невеста, близкая подруга бездельника Тома, я до сих пор удивляюсь, как ты мог упустить такую девушку. О такой леди мечтает любой мужчина, первая и для меня единственная красавица столицы. Не удивительно, если вспомнить какой была ее мать. Том, нет тебе прощенья! – сокрушенно повторил Николас.

– Не подруга, дядя – с кошачьей улыбкой выговаривая слова, ответил юноша, – сестра, не стоит меня так ругать за сестру.

– Посмотрите на него! Ну, какая сестра? А мог бы и жениться, – смеялся дядюшка.

– Да, не сестра по крови, но я ее таковой считаю, поэтому...

– Скажи, что для тебя лучше смерть, чем женитьба, – вставил Майкл, – а в какой день свадьба?

– Да, – качая, головой произнес Николас, – ты вероятно

единственный во всем королевстве этого не знаешь. Откуда ты приехал?

– Из другого мира, дядя, – улыбнулся в ответ племянник.

– В эту субботу, я надеюсь, ты туда пойдешь, все-таки, Оскар мой лучший друг и женит единственного сына.

– Не беспокойтесь, – вставая из-за стола, похлопал друга по плечу Том, – я об этом позабочусь. Я могу взглянуть на сад? – увлекшись чем-то в дали оранжереи, просил он.

– Томми, конечно.

– Интересно, он пошел полюбоваться твоими розами? – смеясь, заметил Майкл, – никогда не знал, что он любит «цветы».

– А это очень важно, Майкл, – глотнув немного из бокала, серьезно сказал Николас.

– Что именно? Любить цветы?

– Важно, что ты нашел дело, которое любишь, жаждешь всей душой им заняться. Это удержит тебя в жизни.

– Удержит?

– Могу сказать тебе одно. Послушай, я кое-что знаю и понял. Сейчас у тебя есть отец, друзья, возможно, ты женишься и будут дети. Но... родителей не станет со временем, друзья – ммм... – да, они не предадут, такие как Том, нет, но у всех будут свои дела, семьи, мелкие заботы и не будет времени, для тебя. Свои собственные дети будут расти и заниматься своими проблемами в зависимости от возраста. Жена, надеюсь, тебе повезет найти родственную душу, а не та-

кую, что надоест через пять лет до тошноты. Твое призвание, твое дело, оно одно удержит тебя, что бы ни случилось, от необдуманных и опасных для твоей жизни действий. Ты всегда сможешь уйти в него с головой, а это, кстати, полезно, когда организму, с его мудрой системой самосохранения нужно будет на что-то переключиться. И это очень ценно, что ты получаешь от него удовольствие. Вот, что может сказать тебе пятидесятилетний старик, как совет, если хочешь или просто как напутствие.

День был в самом разгаре, когда друзья вышли на улицу.

– Твой дядя всегда меня смешил, но сегодня... Твой приезд поднял ему настроение.

– А ты сомневался? – Майкл вздохнул полной грудью – Никогда не думал, что могу соскучиться по этому городу. И запах у него особенный, чем-то он манит.

– Главное теперь мы все время будем вместе.

– Дружище, больше всего за этот год мне не хватало тебя! Как там было тоскливо одному, без твоих вечных шуточек и вообще.

– Не кому было сбивать с пути истинного правильного Майкла. Зато теперь, только представь, весь Лондон у наших ног, мы его перевернем! Все красавицы будут наши. Я намерен как следует развлечь тебя, достаточно долго ты корпел над книгами, этому пришел конец. Том МакКалестер с сегодняшнего дня не даст тебе уснуть рано.

– Можно поймать тебя на слове? Ты знаток всех красавиц...

– Как ты мог усомниться?!

– Тогда скажи, юная, тонкая, белокурая девушка, знаешь ее?

– Та, что видел на берегу?

– Она.

– Но мой друг, твоего описания мало, какого хоть цвета глаза?

– Карие.

– Еще.

– Знаешь, Том, так далеко даже мое зрение, превосходное по твоему мнению, не смогло различить больше.

– Майки, ты только на мгновение представь, сколько юных, стройных блондинок с карими глазами и то, по твоему описанию, не точно, я знаю, замучаюсь и имена перечислять!

– Ну, ты сам сказал, что знаешь всех.

– Ладно, чем труднее задача, тем интереснее. Через пять дней свадьба Джеральда и Мэгги, на которой она должна быть. Если кто-то туда и не приедет, значит, он уже в мире ином.

– Но пять дней, целых пять дней!

– Я начинаю бояться за тебя. Увидел девушку мельком и сходишь с ума. Это симптом.

– Том!

– Не сердись, шучу. Сегодня вечером едем к Уинифрид,

она кареглазая блондинка. Ты доволен?

– Отлично.

– Я заеду за тобой в семь.

– Буду ждать.

– И не переживай, – прокричал Том, садясь в карету, – мы найдем ее, никуда не денется твой ангел.

Глава третья

Ей совсем не хотелось идти куда-то и что-то покупать, уже после шага с места, где она видела его. Мэгги сослалась на недомогание и девушки вернулись домой.

– Вы так скоро? – удивилась Нора.

– Мэгги стало нехорошо.

– Не нужно было идти пешком.

– Я просто перенервничала, мама. Немного отдохну, и все пройдет.

– Ты не забыла, мы едем сегодня на обед к Томпсонам?

– Конечно, я помню, – уже на лестнице сказала Мэгги.

Девушка почти бегом поднялась наверх, закрыла дверь своей комнаты и прислонилась к ней спиной.

«Что это? Солнечный удар?.. Какое божественно красивое лицо, никогда не видела такого, такого настоящего, искристого... Не может быть. Еще два часа назад я так сильно любила Джеральда, а теперь...»

Мэгги ходила по комнате с одной мыслью: «Этого не может быть».

Наконец, после часа мучений она признала: «Может». Присев на край кровати, она с улыбкой закрыла глаза и сказала себе: «Да, я люблю его. Но кто он? Как будто и не человек, таких людей не бывает, он, слишком прекрасен

для этой земли. Чудное виденье улыбнулось мне, какое счастье... Нет, это не может быть сном, он где-то рядом, я чувствую. Но где? Как мне нужны сейчас эти глаза».

Чистый, удивительный луч света пролился на ее жизнь и, несмотря на всю его умиротворенность, перевернул давно устоявшийся, строго расставленный по местам порядок течения дней.

Мэгги поняла – никогда и никого она в жизни не любила, кроме этих глаз. И откуда только такая железная уверенность? Ей стало смешно, чем была ее жизнь до сегодняшнего дня. Она шла по ней, ни на дюйм, не отклоняясь от курса, проложенного столетиями женщинами Англии, а может и всего мира. Вспомнилось детство, как она играет на фортепиано и точно знает, в этот час все ее подруги делают то же самое. А потом пошли страсти по нарядам и балам, Мэгги и ее подруг стали вывозить в свет и началось... начался кошмар, стоило заговорить с каким-нибудь джентльменом, как сразу на нее начинали дуться, один танец и уже идут сплетни о вашем романе. Вокруг Мэгги всегда было много кавалеров, которых она и не старалась привлечь, но ее подруги никогда в это не верили. Они или обижались, или укоряли ее за то, что она соблазнила как раз того, кто одной из них так понравился, скорей всего она сломала ей жизнь. Для Мэгги это было невыносимо.

Беспочвенные обвинения угнетали. Она никогда не играла роль, не пользовалась приемами, хитростями для привле-

чения мужских взглядов. Но ее искренность, естественность как раз и манила к себе, возможно даже больше, чем ее красота. Мэгги не понимала подруг, все им прощала и забывала, но ей все тяжелее становилось жить в их окружении. Смотри на мир широко открытыми глазами, любя его, улыбаясь ему, она все же так много плакала из-за того, что не могла, как ни пыталась, понять его жестокости. Почему люди делают друг другу больно, ненавидят, мстят, завидуют (чувств, с избытком заполняющих высший свет), когда это все можно заменить любовью, светом для себя и ближнего. Ей было больно, когда люди делали больно друг другу, и она никак не могла понять: «почему?», – вопрос, мучавший ее всю жизнь, самый неразрешимый и страшный.

Подруги завидовали Мэгги, но у них не получалось разгадать ее секрет. Они смеялись, когда, ругая кого-нибудь, слышали от нее, что этого человека нужно простить. Одни смеялись, другие думали: «Хочет быть святой». Все они тайно ненавидели Мэгги и, конечно, никогда бы ей в этом не признались. Она занимала слишком высокое положение и вместо правды слышала только лесть и видела лживые улыбки. Это ужасно надоело и просто сводило с ума. Так уж ее воспитали, быть открытой, честной, но здесь правила были другими, и постепенно она их приняла и научилась. Но чувство бесконечного одиночества. Да, был настоящий друг – Том, но вряд ли он задавался вопросами о таких вещах, ему всегда было некогда, и при том, он заводил романы с этими же

девушками.

Тогда и появился Джеральд. Вокруг толпилось много молодых людей, а на душе у Мэгги было так тоскливо. Он подошел, пригласить ее на танец, они даже не были знакомы до этого вечера и почему-то Мэгги согласилась. Джеральд сразу рассмешил ее, пошутив на счет всей этой компании, отвлек ее мысли какой-то легкой ерундой и смотрел такими глазами. Мэгги была очарована, ей казалось он особенный, он ее понимает. В то время она еще не знала, что это были его средства достижения цели. Может, в ее истосковавшейся душе давно было место для него, нуждающейся в любви и тепле. Она ошиблась, позволила себе ошибиться. Как порой мы осознано и легко ошибаемся, ничуть не тревожась об этом, решая, что нет ничего плохого в невинном заблуждении. Вот это как раз и страшно, потому что эти мимолетные проступки могут потом разбить нашу жизнь. А может Мэгги сделала это неосознанно, но разве могла она тогда знать, как глубоко ошиблась. Просто влюбившись в Джеральда, она забыла обо всем.

Они стали часто бывать вместе на балах. Когда он заходил в залу очередного торжества, сразу же находил ее глазами и подходил, она неизменно была ему рада. Они танцевали, собирали вокруг себя большие компании во время бесед, все окружающие решили, что скоро свадьба. Хотя сами влюбленные ни разу не заговаривали не только о свадьбе, но и любви. И больше всего этого боялся сам Джеральд. Он заго-

релся моментально, только увидев ее, и все мужские взгляды в ее сторону только подогревали интерес. Да она была несравненна, именно такая женщина должна была быть рядом с ним, именно ее он искал. А потом... Хорошо изучив женскую натуру за свою короткую, но насыщенную жизнь, он понял, ближе с ней познакомившись, что она не кокетливая дурочка и это его удивило. Все без исключения женщины, которых он знал, были такими, или становились в его присутствии, будто думая, что это его привлечет больше. Поначалу он не мог поверить, она «настоящая», не пользующаяся ни одной женской хитростью при этом не теряла ни капли женственности. Изучая ее, он все больше изумлялся. Джеральд понял, что нашел алмаз, именно алмаз, не изменившийся и не испортившийся огранкой и оправой. Такая редкость встречалась раз в полвека, нет раз в половину тысячелетия. Тогда он окончательно решил, что женится на ней, ведь только ему должно было принадлежать все самое лучшее.

Мэгги помнила тот день. Сказочная зима, был канун Рождества, падал легкий пушистый снег. Джеральд приехал к ним поздравлениями и когда их оставили наедине, признался ей в любви, тотчас попросив у Элеоноры ее руки. Какой чудесный был тот день.

Мэгги опомнилась, провела рукой по лбу: «Хорошая сказка», – мелькнуло в мозгу. Только от этой сказки остался сейчас пустой звук, как будто это была игра в любовь и все по

правилам, как в бульварных романах, которые она ненавидела и никогда не читала. Сейчас она не могла объяснить, что раньше чувствовала к Джеральду, но только не любовь. Теперь Мэгги знала, что такое любовь, только ради тех глаз она готова бросить сейчас все.

«Что делать? Соглашение подписано, машина запущена и как ее остановить? Увидеть бы еще раз эти глаза и у меня хватило бы решимости на все. Но осталось пять дней, всего пять дней. Боже, помоги мне!».

Вечером у Томпсонов были только свои. Джеральд рассказывал о долго готовившемся сюрпризе для гостей. А Мэгги смотрела на него и все никак не могла увидеть то, что видела раньше.

После обеда Оскар увел всех в сад, дав влюбленным время побыть наедине. Этот жест внимательности и возможно нежности с его стороны, покоробил Мэгги. Это означало, они почти женаты и по сути, это «почти» можно и отбросить.

Джеральд мгновенно оказался рядом, она не успела собраться с мыслями хоть немного.

– Ты сегодня такая задумчивая или может мечтательная..., – прошептал он, беря ее руку, и целуя поочередно каждый пальчик.

– Я думаю о свадьбе.

– И я, считаю дни.

– Джеральд! – чуть ли не закричав, воскликнула Мэгги.

От неожиданности, он слегка вздрогнул и поднял на нее

глаза.

– Что такое?

Этот прямой взгляд темных глаз словно сковывал все внутри, она потеряла всякую решимость.

– А ты...ты, правда, любишь меня?

– Мэгги, я люблю тебя.

– А вдруг тебе только кажется?

– Перестань говорить глупости. Я, конечно, знал о волнении всех невест перед свадьбой, но не до такой же степени. Все будет хорошо, я обещаю.

Она посмотрела на него загадочными глазами и ... улыбнулась.

– Смотри, ты обещал.

Молодой человек вздохнул успокоено. Сейчас она смотрела так, будто хотела сказать что-то очень важное, но всего лишь пошутила. Эта черта ее характера и нравилась ему и пугала одновременно, чаще всего пугала, потому что он никогда не знал, чего ждать.

– Глупая, я ведь люблю тебя, – обняв ее, сказал Джеральд.

Глава четвертая

Сегодняшнее утро в доме Браунов было суматошным, все чего-то не успевали, бегали из угла в угол, спорили, смеялись и были счастливы. Праздничные хлопоты всегда приятны.

Мэгги давно проснулась, но не вставала. Она не могла принять того, что день этот все-таки наступил, не верила. Еще вчера засыпая, ей казалось, что мир рухнет, если настанет утро, но, нет, мир не рухнул, наоборот, всеми своими красками и звуками заставлял войти в него, а она не могла себя заставить. Мэгги смотрела как мелкий дождик стучит в окно и думала. Такие безумные мысли приходили в голову. Она готова была убежать с ним, если бы он сейчас появился, только ступил на порог, улыбнулся ей. Так страстно желая этого, она и сама не представляла, как скоро исполниться ее желание.

В комнату, пробираясь на цыпочках, вошла Джейн. Видя, как она крадется, Мэгги взяла подушку и кинула в нее.

Джейн вскрикнула, чуть не уронив вазу.

– Разве можно так пугать?!

А Мэгги упала на постель и залилась смехом. Подруга разозлилась, быстро схватила подвернувшуюся подушку и в свою очередь бросила ее.

В комнате началась капюшона с визгами и смехом.

Энн проходила мимо и услышав это, вошла.

– Вот чем занимается невеста в день свадьбы!

Ответ она получила подушкой, и не желая оставаться в долгу, кинулась в бой.

Это продолжалось до тех пор, пока в комнату не вошла Нора. Девушки замерли и смотрели на нее. А когда она улыбнулась, все засмеялись. Миссис Браун долго не могла ничего сказать.

– Хватит дурачиться, девочки, – ласково сказала она.

Нетерпеливый звонок колокольчика раздавался в прихожей. До смерти перепуганный пожилой слуга спешил к двери, по пути вспоминая, что уже лет двадцать никто так агрессивно не желал попасть в этот дом. По меньшей мере, горит соседний особняк Уоренов, а худший вариант так и не обрел в его мозгу ясную форму, потому что он достиг своей цели. На пороге, празднично одетый для столь раннего часа, стоял разъяренный Том МакКалестер. Он стремительно влетел в дом, ничего не ответив лакею на приветствие, помчался по лестнице. Слуга только успел выкрикнуть: «Мистер Майкл еще спит».

С шумом распахнув дверь в спальню друга, он закричал: Я убью тебя!!! Ты до сих пор спишь!!!

Майкл, слегка обескураженный таким выпадом, сел на кровати.

– Доброе утро, Том. Что ты так кричишь? – пробормотал

полусонный юноша.

– Ты хочешь проспять главный день в истории Лондона!!! Где твои слуги, пусть немедленно собирают тебя, через полчаса, не больше мы должны уехать. Да вставай! – тряся его за плечо, не унимался Том. Попутно он звал слуг, давал распоряжения о срочных сборах.

– Да в чем дело? Главный день в истории Лондона, Темза пересохла...или мы начали войну с Францией?

– Лучше не зли меня, не смешно!

Вот это как раз и рассмешило Майкла, редко ему удавалось видеть друга в таком состоянии. Строгий, почти суровый, преисполненный ответственности, готовый решать глобальные проблемы, да это случалось не часто, видимо что-то и правда произошло. Серьезный Том МакКалестер – это вообще нонсенс.

– Над чем ты смеешься? – вспыхнул Том.

Майкл так и подавился смехом.

– Том, я готов на все, что ты не потребуешь, только, пожалуйста, ответь, что случилось?

Над Майклом уже колдовали бесконечные руки слуг.

– О-о-о! Ты забыл!! – воскликнул, расхаживающий по комнате Том.

– Вероятно, раз ты так кричишь.

– Замечательно, вот только пересохни Темза в один день с началом войны с французами, все обратили бы на это меньше внимания, чем на свадьбу Джеральда и Мэгги!

– А... – протянул друг – точно, сегодня, прости, я и, правда, забыл.

– Вчера я раз тридцать напоминал тебе! Учти, Майкл, если из-за тебя я что-нибудь пропущу...

– Я сам себя убью раньше, – улыбаясь, сказал Майкл, – видимо это будет безболезненнее, глядя на твой гнев.

Через пятнадцать минут они мчались к церкви.

Майкл, конечно, знал, что его друг, всегда немного преувеличивает, но даже он не смог описать предполагаемое действие, таким, каким оно выглядело сейчас. И Майкл укорил себя за неверие другу.

Возле церкви стояли толпы людей. Экипажам просто негде было помещаться. Те, кто замешкался дома, выбирая лучшие перчатки или шляпку, вынуждены были пробираться сквозь толчею пешком, отправив кучера на соседнюю улицу, искать свободное место. Друзья поступили также. У Майкла мелькнуло в голове, что за время, проведенное им в Лондоне с момента приезда, он постоянно идет через толпу. А еще, что сегодня венчается, по меньшей мере, принц, а может и сам король. Только на таких торжествах он видел столько людей. Все они, под зонтами и без зонтов, в дорогих или простых платьях, терпеливо мокли под дождем, разговаривали, сплетничали, ахали, создавая шум похожий на улей. Высший свет, разместившийся внутри, тонул в таком же гуле. Потесниться пришлось и здесь, но Бог, очевидно, услышал мольбы Тома и места по их приглашениям никто

не занял.

– Я не вспомню, когда в последний раз так переживал, – свободно вздохнув, сказал Том.

– Боюсь, мне придется признать, просто грандиозно.

Друг усмехнулся.

– Это только начало. О, посмотри туда, прелестница Катарин с родителями, – он приветственно кивнул им.

– Хорошенькая, и она еще не твоя пассия?

– Я только намереваюсь.

– Не опоздай, видел, как мило она улыбнулась мне? – засмеялся Майкл.

– Ты не напугал меня. Хотя я предчувствую перемены, вы смазливой внешности мистер О'Генри, собьете мои ставки.

– Да не переживай, вот я найду свою музу и до других мне не будет дела.

– Какие поблажки с вашей стороны, это ты сейчас так говоришь, подожди, сегодня познакомлю со столькими леди, что тебе не хватит одного романа.

– Ну да, ну да, – озираясь по сторонам, отвечал друг, – вот я, в отличии от тебя свои обещания держу.

– А что такое?

– Ее здесь нет.

– Ну, значит, на приеме она будет. Майкл, мне и самому уже интересно увидеть ее. Что загадочная особа свела с ума моего друга.

Дальнейшие споры на эту тему прервала внезапно насту-

пившая тишина, и музыка, последовавшая за ней. Церемония началась.

Все взоры обратились к вошедшей невесте и сопровождавшему ее к алтарю мистеру Брауну старшему. Роскошное белое платье, длинная фата с вуалью, жемчуг, она была ослепительна. Среди гостей раздавались негромкие возгласы восхищения и звон разбившихся сердец.

Майкл понимал, как она должна быть прекрасна, а ведь даже не видел ее лица. Он невольно бросил взгляд на Джеральда, пытаясь представить, как это чувствовать себя на месте человека, чьей на веке станет такая девушка.

Странное чувство овладело им, казалось, солнце покинуло небеса и идет сюда, потому на улице льет дождь. Это чувство говорило ему, что она почти ангел, даже какая-то уверенность, появившаяся только от края ее платья и слегка видимой над головами фаты. Майкл упрекнул себя в беспредельной влюбчивости. Но он ничего не мог с собой поделать, теплое и нежное чувство разлилось по телу. Сердце что-то подсказывало, но что именно, он не успел разобрать. Даже сказать себе, что чувствует к этой незнакомке и к тому же чужой невесте, он не мог. Не богохульство ли, это пожелать чужой невесты в храме? Как он может так думать и чувствовать? Однако чувства никогда не спрашивают нас, не слушают наши рассуждения, доводы, упреки и проклятья, они просто есть, возникают из ничего и не во что превращаются, испаряясь. Это чувства к плоти, к оболочке, они вспы-

живают мгновенно и неизбежно пропадут, если их не подпитать красотой души. Они, как и мы сами, прах. Но эти жестокие слова относятся только к смертным чувствам, а бессмертные, настоящие, когда мы чувствуем их душой – вечны. Наши единственные и любимые, до того момента пока мы их не знаем, все же наши, мы чувствуем, что где-то есть незнакомые, но любимые нами люди, наши судьбы, именно такие, какими мы их представляем, о которых мечтаем и не можем описать единый портрет словами. Время, когда мы их не знаем – подготовка к встрече. Бессмертные чувства не возникают из ниоткуда и не пропадают в никуда, мы рождаемся с ними и живем в ожидании встречи. Не зря люди, встретившиеся вчера, говорят, что знают друг друга так, будто были знакомы всю жизнь.

Судьбу свою распознать сложно, столько разных чувств мешает нам, но, когда приходит ее время – ты понимаешь – вот она. У тебя открываются глаза и сердце прозревает. Ты, наконец понимаешь, что такое судьба, ты поражен и не веришь первые секунды. А как неописуемо прекрасны эти первые секунды, когда все становится не напрасно и ты скидываешь тяжелый груз сомнений и поисков ее, судьбы!!!

Медленно открывалось сердце Майкла, массивная, тяжелая дверь, к его тайникам, он казалось, чувствовал ее осторожное движение дюйм за дюймом. Сердце знало – это не просто так и становилось страшно от того, что можешь познать истинную любовь. Вернее, оно уже знало ее. Но глаза

пока не верили, все органы, мышцы тела работали на грани возможностей. Но не поспевали за таким догадливым сердцем, не веря ему, глубоко изумляясь. Секунды плавного ощущения до полного понимания, что твоя судьба нашла тебя, это незабываемое чудо!

Когда Мэгги проходила рядом, он разглядел под густой вуалью краешек ее лица. А потом пытался домыслить ее черты. Она божественна и как счастлив он будет, только увидев ее лицо! Он, не отрываясь, смотрел на нее, почти не замечая бешеный стук, уже все знавшего сердца. Ее голос, а ведь именно таким он знал ее голос, да он должен быть таким. Майкл сам не понял, почему у него кольнуло сердце, когда она произнесла: «да». Что будет дальше он и представить себе не мог, утонув в созерцании ангела.

А дальше будущее стало настоящим, и оно было страшным.

Джеральд поднял вуаль и поцеловал невесту, а потом она обернулась....

Майкл смотрел и не верил, в глазах потемнело, он провел по ним рукой, они как будто ослепли. Было такое чувство, как перед потерей сознания. Он уже ничего не видел и шум в ушах не проходил. Минуту спустя он почувствовал, как его подталкивает Том и с трудом разобрал его лицо. Туман, а среди него ее образ постепенно рассеялся, и он смог услышать голоса, выходявших из церкви людей, увидеть их лица.

– Идем, Майкл.

– Куда?

– Идем, – ответил, не расслышавший вопроса Том.

Свежий воздух и сильный дождь отрезвили его и уже шум, разговоры, крики не были каким-то сторонним явлением. Постепенно он приходил в реальность, но ужасную реальность.

Только в экипаже Том обратил внимание на странное лицо друга.

– Что с тобой?

– Ничего.

– Ты очень бледный.

– Как зовут невесту?

– Мэгги, ты вроде и раньше это знал.

– Мэгги, – с улыбкой проговорил Майкл.

– Ты какой-то загадочный.

Майкл, странно посмотрел на друга, слегка нахмурил брови, открыл рот, чтобы что-то сказать, но вдруг замолчал.

– Я слушаю, Майк.

– Знаешь, я скажу... нет, лучше не надо.

– Говори. Что-то случилось и, глядя на тебя это серьезно.

Майкл молчал.

– Ты пугаешь меня, скажи уже, черт возьми!

– Это она, Том.

– Что она?

– Ее я видел на мосту.

– Мэгги?! Ты с ума сошел.

– Да.

Том некоторое время обдумывал сказанное.

– Ничего. Поверь мне, это всегда так, когда видишь ее впервые. Ну, я, конечно, знаю ее с детства, но однажды я случайно посмотрел на нее не как на сестру и что же, сразу влюбился. Она так красива, невозможно не влюбиться в нее хоть на пару месяцев, невозможно. Я часто такое наблюдал, и ты не представляешь себе, каких черствых людей очаровывала ее красота. Что поделаешь, в красавиц влюбляются все, такова их участь, разбивать сердца, даже того не желая. Но не переживай, это пройдет. Я, например, оправился через месяц, это было наваждение и спустя время, понимаю, что никогда и ни при каких обстоятельствах не хотел бы от нее большего, чем любовь сестры. В свете столько красавиц, столько совершенств и ты обязательно найдешь прекрасную и самую лучшую девушку на свете. И сейчас ты убедишься в том, что они сами слетятся к тебе, уж поверь. Ты просто мало видел женщин, и такая королева как Мэгги не могла не разбить твоего неопытно сердца.

– Том, что ты несешь? – прошептал Майкл.

– Пытаюсь запудрить тебе мозги, разве не понятно.

– Как раз очень понятно.

– Послушай меня, Майки, я могу сказать тебе правду – сейчас она вышла замуж за любимого человека, а всем остальным можно только завидовать Джеральду.

– Ты так хорошо ее знаешь?

– Да.

Майкл с разбросанными мыслями отвернулся к окну. Он ясно понимал весь абсурд ситуации, все приведенные другом доводы, и был бы рад, чтобы все произошло так, как описывал это Том. Но... заговздка состояла, в том, что понимала это только разумная его часть, здраво и четко оценивающий события мозг. Сердце предугадывало страдания, но точно знало – Мэгги его единственная. И выбор между легкой жизнью и настоящей болезненной любовью делался сам по себе, не слушая возражений. Но и сам Майкл выбрал бы последнее, пусть и, мучаясь безответно, таков он был, честный и верный.

В распахнувшиеся перед ними двери хлынула волна света, а вместе с ним блеск и роскошь всего, составляющего содержимое залы: стен, люстр, обстановки, платьев гостей, драгоценностей. Сотни глаз устремились на вошедших, и в большей степени, на Майкла. А его собственные глаза разбегались, голова шла кругом – Том приступил к его представлению. За полчаса Майкл узнал столько людей, перецеловал столько женских рук, сколько ему не доводилось и за год прежней жизни. Все смешалось: титулы, фамилии, супруги, сестры и братья, друзья и враги, размеры состояний, преимущества и недостатки. Он и сам не понимал, почему его заставляют разгребать весь этот хлам. Иногда он встречал и знакомых по колледжу или просто из общих знакомых отца или дяди, но в остальном полный сумбур. И больше

всего ему не понравились, взгляды женщин, такие голодные, хищнические глаза изучали его.

Его спас случай. Когда Майкл понял, что больше не может ни слушать друга, ни улыбаться кому-то и хотел было оставить его, как неожиданно к ним подбежала девочка. Она преградила им дорогу, чмокнула Тома в щеку и засмеялась.

Майклу она понравилась сразу и, глядя на ее искренний смех, невозможно было не улыбнуться. Она единственная настоящая во всей этой огромной зале – понял Майкл.

– Привет, Том!

– Энни, ты меня напугала.

Она вновь рассмеялась.

Подлетевшая к ним птичка, была Энни Браун, младшая сестра Мэгги. Светлая девочка джультеттинового возраста, всегда веселая и жизнерадостная. Глядя на нее, как уже успел заметить Майкл, нельзя было не улыбнуться, она дарила свет всем без исключения, всех любила, всем была открыта. Уже сейчас можно было не сомневаться, что в ближайшее время она станет красавицей не хуже сестры, об этом говорила и ее изящно сложенная фигурка, светло-каштановые крупными волнами волосы, теплые карие глаза и лучезарная улыбка. Ее настроение быстро менялось, но практически всегда было чудесным, она могла быть и совершенно серьезной, даже строгой, но делала это редко и не любила заставлять себя строить сдержанную леди или жеманную кокетку. Возможно, это был недостаток воспитания, но что поделаешь, в этом

сестры Браун были одинаковы. Свет еще не успел наложить на нее отпечаток грусти и разочарования, как на Мэгги, а все потому, что ее пока не вывозили, и видела она высшее общество во всей своей красе весьма редко.

– Для начала здравствуй. Познакомься, это мой друг лучший друг, Майкл О'Генри, я рассказывал тебе о нем, я учился в Оксфорде на курс старше него.

– Мне очень приятно познакомиться с лучшим другом Тома, так хорошо скрываемом все эти годы.

Она подала руку, которую Майкл поцеловал.

– Энн Браун, моя сестра.

– Он так шутит, мистер О'Генри.

Майкл улыбнулся ее серьезно-светскому тону.

– Счастлив познакомиться с такой удивительной леди как вы, мисс Браун, – подыграл ей Майкл

– Я польщена.

– Кажется, на сегодня достаточно официальности, – вмешался Том, – Майкл, мой близкий друг и перейдите на «ты».

– Я думала, ты никогда этого не скажешь. Ты ведь знаешь, я ненавижу это.

– Хотел проверить твою подготовку, милая.

– Нещадный Том, я умею достойно познакомиться с джентльменом.

– Надеюсь, вы знаете, что я не его сестра, ни родная, ни даже двоюродная? Еще с детства повелось, когда мы решили быть братом и сестрами.

– Это потому, что он единственный сын в семье, не хватало братьев и сестер, – саркастически заметил Майкл.

Они рассмеялись.

– Может не стоит так открыто издеваться надо мной, я могу и обидеться, – заступился за себя МакКалестер, – кстати, о сестрах, где Мэгги, мы ее еще не поздравили.

– Вы ищете Мэгги? Идемте, я отведу вас.

И сказочная проводница увлекла за собой молодых людей. Она ловко проскальзывала между людьми по пути успешная кивать головой, приветственно улыбаться и, иногда, подавать руку для поцелуя. Том как профессионал, отставал не сильно, чего нельзя было сказать о Майкле. Вдалеке показалось белое платье, и сердце его замерло. Расступились и исчезли последние мешавшие им люди, и он увидел ее так близко. Мэгги была одна. Она стояла, вполоборота смотря вдаль, ее лицо больше не скрывала вуаль, и он видел, что не ошибся, это была она и, кажется, еще прекрасней. Роскошное чистейше-белое платье спадало волнами от ее талии, вблизи можно было рассмотреть витиеватую вышивку с вплетенными жемчужинами, изысканное кольцо и серьги украшали нежную кожу. Какой нереальной она сейчас казалась, как богиня, сверкая в сотне свечей. И Майкл знал, она красивей Афродиты, только не мог придумать какого же совершенства на свете, может быть эта богиня.

Том первый подошел к ней.

– Мэгги!

Она обернулась и легкие локоны на лице и шее затрепетали, а глаза заблестели радостью при звуке его голоса.

– Поздравляю, родная, – притягивая ее к себе для поцелуя, сказал Том, – ты сегодня ослепительна.

– Спасибо. Где ты был, я думала, ты поздравíš меня первым или заедешь вчера?

– Извини, я занимал моего друга, он только неделю в Лондоне, нужно было ввести его в курс дела.

Мэгги улыбнулась, видимо представляя, как мог ее друг выполнять эту ответственную миссию.

Ее улыбка...ее улыбка, нигде и никогда не видел он такой улыбки, бедное сердце, как оно дрожало.

Том отступил назад, чтобы представить друга. Майкл посмотрел ей в глаза.

– Майкл О'Генри, мой старый друг. Майкл – Мэгги Бра... Томпсон, теперь Томпсон.

Мэгги замерла, сердце забило в висках. Перед ней стоял смысл ее жизни, вся жизнь. Как она смотрела на него! Маленькая слеза появилась в краешке глаза. «Ты сам не знаешь, как сильно я люблю тебя», – подумала Мэгги. Все вокруг исчезло, как тогда на берегу и эта пропасть, громадная, длиннее Темзы и она сейчас прыгнет, пусть точно знает, что сорвется, но только бы к нему, к нему. Обнять его и не отпускать никогда. Его глаза так нежно смотрели на нее, и так хотелось утонуть в них, до боли голубых глазах.

Она дрожащее прерывисто глотнула воздух, губы собира-

лись что-то произнести, но только дрожали от страха. Эти мгновения были тяжелы и прекрасны одновременно.

Том смотрел на них, ничего не понимая. Нужно было прервать странное молчанье.

– Видишь, Мэгги, доказательство моих слов, Майкл просто поражен твоей красотой.

Ей было больно до слез, но она должна сказать это.

– Рада с вами познакомиться, мистер О'Генри.

Майкл отшатнулся от неожиданности, так не соответствовали слова ее глазам. Он даже на миг поверил... Неужели можно так себя держать?!

Том подтолкнул друга, и он наклонился поцеловать ее руку. Кольцо, первое, что бросилось в глаза перед этим чудесным мигом прикосновения к ее перчатке.

– Это честь для меня.

– Мэгги, прости, но нам нужно идти. Будь счастлива, сестренка, – еще раз быстро поцеловав ее в щеку и подмигнув Энни, он утащил за собой Майкла.

Мэгги со слабой улыбкой благодарности и отчаянья смотрела им вслед.

Найдя самый незаметный уголок у выхода из зала, он припер друга к стене.

– Ты с ума сошел?! – яростно прошептал Том – разве так можно смотреть на невесту, она ужасно смутилась под твоим пристальным взглядом, хорошо этого никто не видел. Сумасшедший! Да, впрочем, ты и не отрицаешь. Если бы я знал,

что ты настолько себя не контролируешь, никогда не повел бы к ней. Все нам нужно уехать.

– Я не поеду, – твердо ответил Майкл.

– Хорошо, но от меня ты не отойдешь, ни на шаг и к Мэгги не приблизишься, слышишь меня?

– Я буду смотреть издали.

– Вот уж не думал, что так отпраздную свадьбу сестры.

– Я останусь ... до конца, – смахивая с себя руки Тома, сказал Майкл.

Том вздохнул. Стараясь отвлечь его, молодой человек выбирал только красавиц для знакомства. Но надежда таяла с каждой секундой. Майкл совершенно не замечал их взглядов и ласковых улыбок, опускал глаза, по обязанности целовал руки. У Тома разболелась голова, он нервничал и злился.

Начались танцы. Прокружившись в вальсе, молодожены открыли праздник. Теперь ничего нельзя было разобрать, стало шумно и весело.

Майкл не помнил ничего, все мелькало перед глазами, и он не видел ее, чужие люди скрывали дорогое лицо.

Мгновения бежали, скользя по паркету, шелестя дамскими юбками, заглушаемые музыкой, смехом и звоном бокалов.

Мэгги и Джеральд уезжали, и гости ринулись провожать их. Глаза Майкла не могли преодолеть эту преграду. А когда он пробрался к выходу, то увидел только край ее платья и закрывающую дверцу кареты руку слуги.

Том не поспевал за другом, хотя и был до крайности бесцеремонен. Он получил дорогу только, когда все возвращались, обратно отряхивая намокшую одежду. Это были самые везучие, успевшие увидеть собственными глазами, как уезжали молодожены. Остальным оставалось слушать их восторженные речи.

Беспокойно оглядываясь по сторонам, Том не находил друга. Он увидел его в раскрытые двери. Майкл стоял под дождем и смотрел вслед уезжавшей карете. Дождь шел сплошной стеной, от шума не слышно было слов.

Том выбежал на улицу.

– Господа, скорее проходите, – крикнул им, ожидавший в дверях дворецкий.

Отмахнувшись от него, Том побежал искать свой экипаж. Ничего не было видно в пелене разошедшегося ливня. Все кареты слились в одну темную массу. Сердце испугалось этого дождя, а тяжелые капли гулко отдавались в нем. Что-то страшное предвещал этот дождь, и так хотелось спрятаться от него скорее. Он бежал все быстрее, дыхание прерывалось, и тут Том понял: как все серьезно.

– Милорд! – позвал его кучер.

Том обернулся.

– Я здесь, милорд!

Майкл даже не заметил, остановившегося возле него экипажа, не повернул головы. Друг заташил его внутрь.

Мокрые до нитки, они молча сидели друг напротив друга.

Том никак не мог отдышаться, но, когда бросил взгляд на Майкла, у него сжалось сердце.

Золотые его волосы прилипли к щекам, с них струилась вода, но главное были глаза, направленные в никуда. Такие несчастные, как у обиженного ребенка, который не знал, кто его обидел, и от этого было еще больнее. Добрые и чистые глаза беззащитно смотрели на этот жестокий мир.

Тому ужасно жалко стало друга, захотелось его обнять как младшего братишку.

Карета остановилась у дома О'Генри.

– Я зайду? – спросил Том.

– Не стоит.

– Тогда я приеду завтра к полудню.

– Как хочешь.

Майкл приоткрыл дверцу, не дожидаясь слуги.

– Прости меня, Майкл, – вдруг сказал Том.

Друг остановился.

– За что?

– Не знаю.

Больше они не сказали друг другу ни слова.

Глава пятая

Дождь лил все две недели ее медового месяца, можно было подумать, что скоро наступит топот.

Майкл провел их на окне своей спальни. Он не выходил на улицу, никуда не ездил, почти ни с кем не разговаривал. Буквально сходя с ума, он был бы рад совсем обезуметь. Не всякое испытание может выдержать сердце, а может быть и может, но порой это кажется за гранью выносимости. Он не мог простить ни себе, ни судьбе, тех драгоценных секунд, что сложились в пять дней, когда все еще можно исправить. Зачем он досрочно, сдавший экзамены сразу не поехал в Лондон, зачем задержался у отца, почему не встретил ее раньше? Все обернулось против него, никогда жизнь не была его так больно и этот удар оставил глубокий след в сердце.

Ночью он не спал, а настежь открыв окно, лежал на постели, тогда еще явственнее был слышен его верный друг – весенний ливень. Он считал секунды падающих капель, а они упрямо не хотели идти быстрее. Что такое две недели? Почти незаметно могут они пролететь. Но у Майкла таких долгих четырнадцати дней в жизни никогда не было.

Взрывная волна тянулась долго, но помогла прийти в себя чуть-чуть.

Однажды утром (по светским рамкам) сюда ворвался Том,

принеся с собой солнце, впервые выглянувшее из-за туч.

Окинув комнату взглядом: смятая постель, со спящим другом, залитый дождем подоконник и ковер у окна, стучащая рама – он улыбнулся, ему это тоже было знакомо.

Он приступил к нелегкому делу. Майкл упрямо не хотел просыпаться. В конце концов, открыв глаза, он безрадостно посмотрел на мир.

– С наступленьем нового дня, Майки! – сев на подоконник, приветствовал он друга

– Привет, – вяло пролепетал он.

– Что ты так медленно просыпаешься, посмотри, солнце изливает свое тепло, на вечно дождливый город!

– Мне больше нравится ливень.

– Нет, я надеюсь, лето будет самым теплым и радостным.

– Слишком оптимистично для этого утра.

В ответ Том рассмеялся.

– Я, конечно, сказал бы, что сейчас утро, но не могу. Час дня.

– Да ты, наверное, сам недавно встал, раз будишь меня так поздно.

– Вчера мы веселились назло природе.

– Отправлялся бы ты и дальше это делать и не мешал бы мне.

– Хватит того, что я дал тебе две недели отдохнуть от моего общества.

– Том, отстань, – простонал Майкл.

– Все, хватит убиваться, пора тебя растормошить и вернуть к жизни, – весело констатировал факт надоедливый друг, – вставай!

– Мне не хочется даже открывать глаза, не то, что подниматься – безучастно ответил он.

– Ну, ничего, мы тебя взбодрим, сейчас позову слуг, пусть несут завтрак, оденут тебя.

– Том, я, конечно, помню и ценю все годы нашей дружбы, но сейчас я вполне готов убить тебя за такую инициативу, если ты сейчас же не уберешься куда подальше.

– Если честно, у меня дела, и я должен ехать, – смеясь, заметил друг.

– Ну, так что ты здесь делаешь, убирайся и не приходи еще...недели две, – последние слова натолкнули на какую-то мысль, но Том его перебил.

– Что за дрянь ты пил? – рассматривая, стоящую у окна бутылку, спросил он, – не знаешь толк в спиртном, вообще лучше не пей или спроси у меня.

– Иди к черту!

– Вот, уже лучше.

– Я тебя серьезно прошу, МакКалестер, убирайся.

– Так что ты пил?

– Да какая разница!

– Просто не знал, что алкоголь может вызывать потерю памяти или

– Бред какой-то, – пробормотал Майкл.

– Да, точно, бред. Вот ты тут сидишь, пьешь взаперти и, похоже, совсем потерял счет времени.

– Какая разница!

– Есть разница. Есть повод пожить еще немного, дружисце. Я ведь правда сильно сомневался, заезжать ли к тебе, и станет ли тебе от этого легче, но, по-моему, твое прежнее активное, пусть и ненормальное состояние лучше, чем сейчас.

– Бред! Если хочешь что-то сказать, говори? Перестань вилять?! – крикнул Майкл, хватаясь за голову, разболевшуюся от резкого подъема. Он выпил не так уж и много, по меркам Тома, но потому что делал это редко и вообще никогда не считал способом забыться, сейчас чувствовал себя нехорошо. Последний раз он так напивался на посвящении в Оксфорде, при испытании «слепцов».

– Осторожней, Майк, не перенапрягайся.

– Еще издевается надо мной, – осторожно поднимаясь с постели, пробурчал Майкл.

– Ну не могу же я упустить такой случай. Когда еще такой представится, чтобы ты пил всю ночь, а я нет.

– Ладно, посмеялся, теперь уходи, – натягивая халат, ответил он.

– Что ты сегодня гонишь меня весь день?! Ты, между прочим, обещал составить мне компанию, когда приедешь в Лондон и что же, получается, бросаешь меня!

– Ой-ой-ой.

– Не отрицай.

– Том, хватит, чего ты хочешь?

– Что бы ты прекратил это.

– Что это?

– Это, истязание себя.

– Давай я сам разберусь.

– Разберись, давай разберись уже! Сколько можно, ты хочешь сдохнуть здесь один!? Никого не пускаешь, ни с кем не разговариваешь, не выходишь отсюда, может, хватит! – подойдя к другу вплотную, прокричал Том.

– А может, я сам решу, когда хватит!! – ответил тот.

– Решешь, что ты решишь?! уже ничего не изменить, пойми ты это и с этим нужно смириться, а не убиваться здесь в одиночестве!

– А мне здесь хорошо в одиночестве!! Можешь ты, в конце концов, это понять, я не могу смириться, да и не хочу!! Оставь меня в покое!

– Я не собираюсь этого делать, потому что мне не все равно!

Майкл отошел от него и сел в кресло, закрыв глаза. Том вернулся к окну. Они долго молчали.

– Ты за чем-то конкретным приезжал или так, покричать на меня, – наконец проговорил Майкл.

– В моей жизни так мало удовольствий, – иронично протянул Том, – а тут сразу два посмеяться над тобой и поругаться одновременно.

– Да, теперь ты смешишь меня. В твоей жизни мало удо-

вольствий...

Том посмотрел на часы.

– Спешишь, можешь уже ехать, больше развлечений не будет.

– Майки, я приехал сказать тебе, только не реагируй чрезвычайно импульсивно...

– Ты меня пугаешь, – улыбнулся в ответ молодой человек.

– Мэгги вернулась и сейчас я еду к ней вместе с Энни и миссис Браун.

Майкл заметно вздрогнул, но не успел ничего сказать.

– Приеду и все расскажу тебе. Жди меня часа через два, – выбегая поведаль Том.

Оставшийся один Майкл смотрел в пустоту – ничего ты не узнаешь Том, она не позволит – поведаль он в никуда.

Глава шестая

Том приехал вовремя, дамы были готовы. Элеонора спускалась с крыльца, радостно улыбнувшись, увидев его карету.

– Добрый день, миссис Браун, – целуя ее руку, поздоровался он.

– Здравствуй, мой дорогой. Отличный день и дождь закончился. Я очень рада видеть тебя. Где ты пропадаешь последнее время, мы соскучились?

– Дела – слегка вздыхая, ответил он.

– Знаю, что это за дела, – Нора с улыбкой, потрепала его щеку.

Сияющая и как всегда веселая Энн, легко сбежала по ступенькам.

– Привет, Том – чмокнув его, Энн быстро села в карету.

– Мама, едем скорее.

– Она ждет подарков от сестры.

– Конечно, едем.

Джеральд купил этот дом за месяц до свадьбы, приготовив все для счастливой семейной жизни. Как и стоило ожидать, он был огромный и шикарный. Однако излишество, как это часто бывает, в этом случае не расходилось со вкусом. Он был на грани, но в рамках дозволенного.

Увидев его впервые, Мэгги поняла, какие надежды ее будущий муж питал, покупая этот дом. Он занимал определенное место в той картине семейной жизни, которую Джеральд нарисовал для себя. Дом был именно таким, каким должен был быть у них, по мнению Джеральда. И Мэгги ясно это осознала. И чувство, что она тоже всего лишь часть плана его жизни, хорошего, продуманного и скорее всего счастливого, но плана, не оставляла ее.

А теперь ей было уже все равно...

Первой, раньше лакея, Энн вбежала в прихожую и позвала сестру. Мэгги слетела по лестнице и сестры обнялись, долго стоя молча. Никогда они не расставались так надолго и сильно соскучились. Счастливая Элеонора подошла к ним.

Том стоял поодаль совершенно удовлетворенный, наблюдая эту картину. Его уже почти не терзали сомнения.

Наконец все три леди вспомнили про него и обернулись.

– Мы совсем забыли про Тома.

– Как хорошо, что ты приехал, – идя ему навстречу, сказала Мэгги.

– Здравствуй, сестренка.

Он прижал ее и почувствовал легкую дрожь в ее теле. Мэгги была напряжена, и он сразу это понял. Но почему? Его душа была застана врасплох, непонятные мысли, сомнения вновь одолели ее, тем сильнее раня, когда она только отпустила их.

Том пристально посмотрел на девушку, но она отмахну-

лась от его взгляда весельем.

– Располагайтесь, сейчас позову Джеральда и принесу подарки.

Она побежала вверх, стремясь быстрее скрыться от глаз. Том проводил ее взглядом. Да, он не солгал Майклу. Зная Мэгги с детства, самого раннего (их отцы и мать Мэгги были верными друзьями с юности), он мог разобраться в ее чувствах или, по крайней мере, догадаться, если что-то не так. Он изучил и Мэгги и Энн, наверное, лучше, чем это смог бы сделать родной брат. В высшем обществе редко встретишь искренние чувства, даже между родными. А он был единственным в семье и родными ему стали сестры Браун. Для их единства не нужно было кровного родства, понимание и любовь были между ними всегда. Это было самым ценным в его жизни. Энн ничего не заметила, скорей всего от счастья. Да и сомнений у нее не было и раньше. А вот у Тома были. Майкл настолько сильно говорил о ее глазах, что вселил какую-то уверенность.

Мэгги вернулась с мужем, неся кучу коробок. В этот момент приехали и Томпсоны. Начался семейный праздник, разбирали подарки, слушали рассказы о Испании, планировали будущее. Том смотрел на красивую семейную пару и восторгался, они подходили друг другу со стороны идеально и с такой нежностью и трепетом говорили, смотрели, касались рук, улыбались.

«Все так – говорил себе он, – а сердце не унималось – нет,

не так». Откуда ты только взялось – сердце! – раздраженно воскликнул он в мыслях.

Два часа пролетели незаметно, и вежливые гости засобирались.

Джеральд уехал с родителями, разрешить какой-то вопрос с отцом. В конце концов, остались самые первые посетители. Энн упростила миссис Браун побыть у сестры еще часок, а Том пообещал, потом отвезти ее домой.

Сестры с наслаждением принялись за беседу тет-а-тет. Том, не желавший им мешать, откинулся на спинку кресла в раздумье. Ему нужно было время – понаблюдать за Мэгги. Она, то улыбалась, то грустила, и все это происходило резко. Он понял одно, сестра что-то скрывала, но хорошо держала себя в руках.

Том изучал ее и думал, как все-таки трудно любить такую красоту, как больно, тяжело, ведь тебя одолевает желание защитить ее от жестокости мира и каждый шаг – новый рубец на сердце, новая незаживающая рана, потому что нельзя оградить ее от зла мира, как не старайся. И, наконец, твое рваное сердце уже просто не может стараться защитить ее. А с тем человеколюбием, которое есть у Майкла, он сказал бы сумасшедшим человеколюбием, это невыносимо больно. У него за всех болит душа, всех-то ему жалко, всем он сопереживает, всех любит и прощает. Укоряет себя за богатство, за то, что не страдает каждый день как бедняки, что не страдает за других, слишком много вбирает в себя его сердце тра-

гедий, судеб, боли человеческой. Как же его хватит на Мэгги, на свою личную боль? Лучше бы таким людям вообще не любить, хоть в чем-то быть спокойными! Так ведь нет!!! Они-то и любят безумно, не как все. И как только это бедное сердце все выдерживает?! Нет, не могут такие люди жить долго, сторают! И сам, испугавшись такого вывода, он отвел глаза от сестер и посмотрел в окно. «Бедный мой друг, хоть бы она любила тебя», – отчаянно подумал он.

Он изучал ее и, когда Мэгги провожала их. Она стояла в солнечном луче и была такой сияющее-красивой и этой красотой старалась отвести глаза от своей души.

Том прикрыл шторку, мельком взглянув на сидевшую напротив счастливую Энн. «Сказать ей или не надо? А есть ли у меня выбор?»

Девушка внимательно посмотрела на друга.

– Что-то случилось, – даже не спрашивая, а утверждая, сказала она.

«Будто мысли прочла», – мелькнуло у Тома.

Энн всегда видела его насквозь, как никого другого, всегда знала, лжет он, или говорит правду, буквально читала его мысли и тонко чувствовала перемены в его настроении. И, естественно, сейчас она почувствовала и это состояние Тома, но не смогла объяснить себе.

– Случилось? Ничего не случилось.

– Ты почему-то переживаешь, и я никак не могу понять почему.

– Это мои проблемы.

– И ты не хочешь поделиться со мной?

– Ничего серьезного, не забивай себе голову

– Это как-то касается меня, я чувствую, и потому скажи, – настойчиво и твердо потребовала она.

– Тебя никак не касается, успокойся.

– Не слишком убедительно, Том, я всегда знаю, когда ты мне врешь.

– Энни, ну перестань, – попросил он.

– Как только ты все расскажешь.

– Нет, – отрезал юноша.

– Нет, ты расскажешь!

– Это тебя не касается и тебе не нужно....

– Том! – оборвала его Энн.

– Хватит, иначе я сейчас выйду!

– Ну, я ведь всегда делюсь с тобой, знаешь, так ты предаешь нашу дружбу, – жалобно начала она. Видя, что ее слова не возымели должной реакции, а значит она права, это и правда серьезно, Энн прибегла к крайним мерам.

– Я ведь могу и обидеться! Нет, я уже обиделась! – она отвернулась к окну.

Том сначала разозлился. Со временем успокоившись, он решил, что зря поддался на ее провокации и разговорился. Но и правда, только Энн могла помочь ему, больше никто. А если произойдет и вправду что-нибудь серьезное, Майкл совершенно не контролирует себя, и лучше пожертвовать ее

покоем сейчас, чем раскаиваться в будущем? Но как ему не хотелось жертвовать этим покоем! Но с другой стороны – если ему показалось, то это все пустяки.

Через три минуты, дольше он никогда не мог на нее злиться, Том стал посматривать в ее сторону. Она, молча, смотрела в окно. Не выдержав, он заговорил.

– Энни, ну хватит дуться.

Девушка молчала.

– Прости меня, я просто сильно люблю тебя и не хочу расстраивать.

– Но я должна знать.

– Зачем?

Наконец она посмотрела на него.

– Я же вижу, это очень важно и непосредственно касается меня, и ты не вправе скрывать.

Он поколебался еще минуту, но под пристальным взглядом этой девочки, ни одна крупинка его души не могла остаться затаенной.

– Ладно, я скажу.

– Слава Богу!

– Только обещай никому не говорить, это не моя тайна.

– Если секрет знают трое, это уже не секрет, – шутя, сказала Энн, но увидев, как он на нее посмотрел, поспешила исправиться, – извини, – добавила серьезным тоном.

– Так ты помнишь, – уточнил он.

– Ты уже не доверяешь мне, с каких пор?

– Ты знаешь, я доверяю тебе.

Энн ждала.

– Майкл, я познакомил вас на свадьбе, помнишь?

– Конечно, он же твой лучший друг и я надеюсь, станет и моим другом.

– Да, безусловно. Так вот, я не знаю, что с ним делать. Он влюбился и уже две недели сидит дома и сходит с ума.

– Том, мне думается, это по твоей части, ты не находишь?

– Энни, по моей части дела коротких романов. Но здесь иначе. Я хорошо знаю его, он не привык шутить такими вещами, это серьезно. «Как бы не навсегда» – подумал он.

– Неужели такие люди еще остались?

Том не смог сдержать улыбки.

– Перестань издеваться.

– Да что так драматизировать, ты хочешь, чтобы я как-то тебе помогла с его дамой сердца? Я готова. Кто она ты сказать можешь?

– После свадьбы Мэгги... – начал он.

– Знаешь, Том, – перебила его Энн, – у Мэгги на свадьбе был весь Лондон с предместьями, ты хочешь, чтобы я помучилась с твоими загадками и догадалась сама, что за манера?!

– Вот именно, был весь Лондон, – не обращая внимания на ее упреки, продолжил молодой человек.

Наступило молчание. В течение нескольких секунд у Энн в голове облачалась в форму его теория.

– Что?

– Да.

– Ну и что можно поделывать? Ничего. И потом в нее все влюбляются. Мне, конечно, жаль Майкла, но...

– Прости меня, Энн, ты, наверное, не поверишь, в то, что я скажу.

– Еще что-то.

– Мне кажется, Мэгги беспокоит что-то, я никак не могу отделаться от этого ощущения.

– Я не заметила, ты просто заиклен на Майкле и тебе начинает казаться. Ну может ее что-то и тревожит, но раз она не сказала мне, то ничего страшного.

Энн видела, ее слова не убедили друга.

– Том?

– Он видел ее до свадьбы.

– Когда, он ведь приехал, чуть ли не под самое венчание?

– Мы шли к его дяде и на противоположном берегу, он увидел ее, сказал, она улыбнулась ему.

– Ты тоже видел?

– Нет.

– Подожди, – ее осенило, – это глупо, как вообще через Темзу, где бы то ни было можно увидеть человека, разобрать черты лица, улыбку? Когда это было?

– Понедельник, двенадцатое.

– Да, Мэгги и Джейн тогда ходили на примерку платья, пешком, был теплый день, – вспомнила девушка, – они еще

рано вернулись, Мэгги стало нехорошо. Не смотри на меня так, это просто совпадение.

– А если нет, – сам не веря, что говорит это, сказал Том.

– Том, я понимаю, ты переживаешь за Майкла, и я тоже, но не нужно нести чушь.

– Но представь на мгновенье.

– Нет, это уже слишком, так не может быть, не должно быть.

– Да, на свете все всегда происходит как должно.

– Том! Две недели назад Мэгги вышла замуж, и ты мне сейчас говоришь, что она не любит его, да она его обожает, уже полгода, ты сам знаешь это. И твой единственный и неубедительный довод о каком-то мимолетном взгляде, который по всем законам физики и быть-то не мог!

– Видишь, как мне нужна твоя помощь?

Энн молчала: «Чушь, полная чушь, не укладывалось в голове. Нет, это все Том виноват со своими дурацкими предчувствиями и когда он такой ветреный и беззаботный успел стать внимательным и сентиментальным?! Но... Что-то есть в его словах, сестра действительно какая-то странная и нужно немедленно выяснить, в чем дело».

– Хорошо, я постараюсь что-нибудь придумать, а ты следи за Майклом, чтобы глупостей не наделал.

– Легко сказать, – усмехнулся Том.

– Ну брось на время свои дела, – разозлилась Энн.

– Да не в том дело, Майкл будет работать с Джеральдом. И

они немного знают друг друга с Оксфорда, думаю, Джеральд пригласит его к себе на обед.

– Нет, никаких встреч! – встрепелась девушка, но поняла, что в этом Том бессилён.

– Я постараюсь, не волнуйся так... Прости... что побеспокоил тебя, Энни.

– Ничего, всё равно нужно узнать, что с Мэгги и Майклу попытаться помочь смириться. Том, разве ты не можешь отвлечь его, ты же мастер. Ведь нет никакого смысла любить её, она никогда не ответит.

Ужасная ситуация, с одной стороны, друг, который страшно страдал, никогда Том не видел его таким несчастным, с такой болью в глазах, но Мэгги... Не желал Том этого. Она не может отвечать ему взаимностью, его маленькая сестричка полностью права, Мэгги любит Джеральда. А если Майкл станет чего-то добиваться от неё, нет, он не позволит ему. Хотя, зная друга, Майкл скорее умрет тихо и незаметно, чем потревожит её. Майкл, бедняга Майкл, не менее дорогой для Тома человек, как и его сестрички. Угораздило же тебя так глупо влюбиться! Если бы только она любила тебя! Нет, тогда будут несчастны все! Да что за эгоизм, принесем меньшую жертву в виде молодого О'Генри! Кто вообще выбирает, кого приносить в жертву!

Он посмотрел на Энн, ждущую ответа.

– Я напишу тебе сегодня, как что-нибудь прояснится.

...

Том столкнулся с другом в дверях.

– Я собирался уезжать. Тебя не было четыре часа!

– Не смог раньше. Куда едешь?

– К Николасу.

– По поводу Джеральда? – садясь, спросил Том.

– Нет. Ему я уже отправил письмо, завтра в семь он ждет меня на обед.

Том ждал этого и не удивился.

– Ты не хочешь рассказать мне, как провел время?

– Да, собственно, и рассказывать нечего. Обычные счастливые молодожены.

Майкл отвернулся к окну.

– Майк, давай так, если ты не можешь ничего сделать с собой, лучше не подходи и близко к ней, зачем портить жизнь Мэгги. Она счастлива, и ты можешь нарушить ее покой. Не общайся с Джеральдом, невыносимо в Лондоне, давай уедем куда-нибудь. Тебе нужно немного времени и все пройдет, я уверен. Сейчас удержишься, не навреди ей. Пойми, ты и она оба важны для меня, и я не хочу, чтобы кому-то было больно. Но я буду вынужден остановить тебя, если попытаешься

– Замолчи, Том, – с таким яростным, и в то же время режущим болью и отчаяньем, взглядом повернулся Майкл, – зачем ты говоришь мне все это, мы вместе уже десять лет, ты прекрасно знаешь, я не сделаю ей больно, не скомпроме-

тирую ее или что ты там еще хотел сказать мне! Вот только ты не думал, вдруг ей больно сейчас?!

– Да с чего ты это взял? Ну почему решил, что она не любит Джеральда?!

– Потому что я видел ее глаза. Вот ты говоришь, мне забудь, уезжай, смирись. Ты и сам не понимаешь, что говоришь. Я согласен с тобой, всегда нужно думать. Должны быть ограничения, но я не ради забавы хочу соблазнить чужую жену, не от скуки. Ты знаешь хоть один такой случай со мной? Да и не в том дело, что я весь такой добропорядочный, примерный, жаждущий, что меня за это погладят по головке. Многие думают именно так обо мне, что вся моя серьезность, следование правилам, делается напоказ, для публики и наград. Я просто поступаю исходя из своих принципов, убеждений, не для кого-то. Но Том.... Никакие преграды и самый трезвый разум не удержат тебя, когда ты поймешь – это твоя судьба, твоя судьба, наконец, она нашлась, наконец, ты понял, что ждал ее не зря, не напрасно верил, вот она! Ты видишь ее и все исчезает, ничего больше нет, ничто не имеет значение. Ты готов бросить все, пройти сквозь время, да что угодно! И как ты можешь предлагать мне жить без нее? Как можно ее заменить другой, пусть в тысячу раз красивее, хоть я и сомневаюсь, что на земле есть женщина красивее Мэгги. Это твоя судьба, эти руки не могут и не хотят обнимать другую, потому что принадлежат ей. Мне даже странно подумать, что я буду обнимать, целовать другую, когда-ни-

будь прикоснусь к чужой женщине, противно. Все что у меня есть, принадлежит ей, моя жизнь принадлежит ей. Господи, Том! Неужели ты не понимаешь меня?! Хоть тысячу раз меняй подруг, ты будешь чувствовать – все это не то, не твои волосы и губы, не твои руки, не твои глаза, не твои женщины, чужие.

Слова упреков застыло на губах Тома. Так убедительно, как непреложная истина звучали слова Майкла, возразить казалось невозможным. Он подумал, ведь и, правда, это его затаенные мысли. Всегда расставаясь с одной и встречая другую, он не мог отделаться от мысли, что это посторонняя, чужая девушка, это не она. Поначалу он, как и все молодые люди, менял подруг с интересом, можно даже сказать спортивным, но со временем, он стал ощущать какую-то пустоту. Какое, наверное, он испытал бы облегчение, найдя ее, какой камень тягостных сомнений свалился с души. Постоянно искать, боясь пропустить, вглядываться в разные лица, мучить себя вопросом: «Может она?» и не находить ответа. Как ему хотелось обнять свою родную, единственную, свою судьбу.

– Позволь мне только убедиться в твоей правоте, обещаю, когда я буду уверен, что мне показалось, ты перестанешь беспокоиться. Я не произнесу ее имени, не посмотрю ей в след, что ты там еще предлагал, уеду, если будет слишком трудно. А пока я не буду уверен, что не нужен ей лучше не становись на моем пути.

Глава седьмая

Лучи солнечного света давно стучались в ее спальню и никак не могли пробиться сквозь плотные шторы. Мэгги спала, легко дыша утренней розовой нежностью. Но вот ее ресницы дрогнули, глаза распахнулись. Она улыбнулась. Мгновения пробуждения, когда из мира грез возвращаешься к реальности, самые счастливые. Начало нового дня, солнце за окном вселяют чувство неограниченных возможностей, свободы, жизни, ты можешь все на свете, в предвкушение неведомого, прекрасного, ты можешь побыть собой. Поэтому Мэгги улыбнулась. Но проходят секунды, эта невесомость улетучивается, и ты окончательно возвращаешься к реальности, начинаешь вспоминать какой сегодня день, вспоминаешь кто ты в этом мире и все вытекающие отсюда последствия, что нужно сделать, можно ли еще полежать или нужно вскакивать, опять погружаясь в суету. В этом мире Мэгги была миссис Томпсон, а потому она протянула руку и с облегченьем поняла, что его нет рядом.

В дверь постучали.

– Войдите.

– Добро утро, мисс Мэгги, – сказала горничная.

– Доброе, Мэри.

Служанка распахнула шторы, позволив, наконец, свету ворваться в комнату.

– Мистер Томпсон дома?

– Нет, мисс, он уехал и просил передать, что будет около

двух.

– А Джейн не приехала?

– Еще нет.

Девушка поставила поднос с завтраком для Мэгги на столик.

– Повар спрашивает, что лучше подать сегодня вечером на десерт.

– Разве кто-то приглашен?

– Мистер О'Генри приглашен на семь.

– О'Генри, кто такой О'Генри? Я знаю только одного О'Генри, сенатора Николаса.

– Скорее всего, это не он, мисс.

– Почему ты так думаешь?

– Я слышала, как милорд отправлял приглашения, их было два одно мистеру О'Генри, другое мистеру МакКалестеру и тогда милорд сказал, что они лучшие друзья.

Мэгги поняла, что в лице Мэри будет знать все новости в этом доме. И поняла также, что Том нравится служанке, она запнулась, произнося его фамилию. Впрочем, кому не нравился этот несносный Дон Жуан. Но все же, спросила для формы.

– Ты имеешь в виду Эрика МакКалестера?

– Нет, мисс, я говорила о младшем, Томасе, вашем друге, – слегка покраснев, ответила Мэри.

– Близкий друг Тома, которого я не знаю, – сама с собой говорила Мэгги, – кто бы это мог быть?

Служанка собиралась уходить, но она задержала ее.

– А как имя этого загадочного джентльмена, не знаешь,

Мэри?

– Не знаю, вернее я забыла.

Мэри уже взялась за ручку двери, но остановилась: «Я вспомнила, мисс, его зовут Майкл».

Мэгги выронила ложечку, которой мешала кофе.

– Спасибо, Мэри, иди.

Мэгги сидела на постели, тяжело дыша, губы дрожали. Боль разрывала сердце, но не могла вырваться наружу, иначе она кричала бы и рыдала, разнесла в клочья комнату, разбила бы вазы, разорвала подушки, все, что смогла, уничтожила бы. Но этим бы не успокоилась, нужно было что-нибудь сделать с собой, чтобы боль тела, хоть на время отвлекла душу, порезать руку, прыгнуть в ледяную воду, она даже не знала, но только чем-нибудь, как-нибудь на минуту, на секунду, только заглушить ее, потому что она невыносима.

Резко повернувшись, она уткнулась в подушку, и сколько могла сдержат звук эта преграда, плакала. «Почему, зачем так несправедливо?! Ей и так больно! Зачем сильнее, зачем видеть его, зачем приводить его в ее ад и насмеяться над ее мечтами, что он мог бы увести ее отсюда. НЕТ!!! Из ада выйти нельзя, а она сама добровольно заточила себя в него, с улыбкой надела цепи. Смотреть на него и знать, будь я не так труслива, все могло быть по-другому! Почему ты не был ангелом, призраком, показавшимся мне тогда, зачем ты ре-

ален, зачем ты будешь ходить рядом, и я никогда не смогу сказать тебе всего, никогда не прикоснусь к тебе, никогда, никогда, никогда.....»

Через час Мэгги немного успокоилась, тело было измождено и, не имея больше сил биться, она лежала на постели.

Ветерок приподнял штору, Мэгги проследила за ним взглядом и наткнулась на небо за окном, безумно голубое небо, взор тонул в этом святом, бесконечном пространстве. Чувство захватывающей свободы, свежей, благодатной, желанной, любимой, не сказать словами, не сказать! Сердце открывается и не может надышаться, насмотреться на него. Нежное тепло разливается по телу, даже не разливается, а наполняет, тонешь в нем.

Это твое раскаянье, которое приняли, это молитва, это любящая улыбка Бога и ты возвращаешься на землю чистым, умиротворенным, желание жить и лететь, в двух шагах от Бога и рая, жизнь, настоящая жизнь. Понимаешь жизнь по-новому, все становится другим, не хочется отрывать глаз и погружаться в земную суету. Небо – это все! Только оно принесло ей успокоение. «Пока ты со мной, я буду жить!»

Мэгги встала и распахнула окно.

Джеральд приехал, как и обещал, в два, веселый и даже счастливый.

– Я сейчас летел домой и думал, – стоя в дверном проеме, сказал он, – что еще никогда не хотел так быстро вернуться! А все потому, что здесь ты! Я думал: войду в залитую светом

гостиную и увижу тебя, твои волосы в солнечных лучах будут невесомо-нежными белыми и золотистыми лучиками. Ангел мой, как я люблю тебя!»

Мэгги действительно стояла у окна и ее волосы, рассыпались по плечам. При первых его словах она обернулась и улыбнулась ему. Джеральд не спешил подходить – любовался ей. А потом вдруг сорвался с места и обнял.

– Здравствуй, любимая!

– Здравствуй.

Хорошо, что он держал ее в объятиях и не видел лица, потому что, «любимый», так и не смогла она произнести.

– И зачем я сегодня уходил? Целый день, не видя тебя. Не хочу больше никуда уезжать, только быть с тобой.

«Как жаль, – подумала она, – как жаль, что ты так влюблен». Мэгги не могла простить себе, что обманывает его, а он ведь любит. Она считала себя виноватой, бесконечно обязанной ему за любовь. Когда кто-то делал ей даже маленькое, неприметное добро, она была безумно благодарна и отдавала бы полмира взамен. Ей было не по себе, озноб охватывал тело, было стыдно за свою безответность на его чувство, и Мэгги старалась, как могла не сделать ему больно, и в каждом слове, взгляде, движении, жесте просила прощения, но любить не могла.

Сидя за столом, она поднимала на него взгляд и вновь опускала, дольше пяти секунд не выдерживая смотреть на него. А Джеральд был, насколько мог себе позволить, без-

рассуден и счастлив.

– Я забыл тебя предупредить, сегодня приедут Майкл О'Генри и Том.

– Знаю, горничная сказала утром. «А что у тебя с ним какие-то дела?» — беспечно спросила Мэгги, а сердце замерло.

– Майкл хотел бы набраться опыта в моей фирме, он юрист. Ты знаешь, он был лучшим учеником на курсе, наверное, день и ночь не спал, только учился, я бы так не смог.

– Боже мой, а я думала, мой муж самый умный юрист в Англии! – улыбнулась она.

– Так и есть. Просто я не фанатик и помимо учебы еще и жил.

– Значит он фанатик?

– Я говорю в общем. Майкл, насколько я понял весьма интересный человек. У него кипучая, бешеная потребность действия, мне кажется это фанатизм. А с другой стороны, он совсем не скучен, раз они дружили с Томом с детства.

– Да, кажется, Том говорил, они давно дружит.

– Я был на последнем курсе, когда поступил Майкл и Том так преобразился. У них год разницы, но мне всегда казалось, что Майкл старше, он на него хорошо влиял. Вот только я не могу понять одного. Позволь спросить, милая. Ты знала Майкла в детстве?

– Нет.

– А почему? – почти смеясь, спросил Джеральд.

– Как почему? Какой-то странный вопрос, не знала и все,

ты же не знал в детстве всех детей в высшем свете, да и меня, – улыбаясь, сказала она.

– Нет, понятно, наши родители никогда не дружили. Но почему твой самый близкий друг, с которым вы выросли, ни разу не нашел случая познакомить вас. Такое ощущение, что вы жили в разных мирах.

Мэгги почувствовала, что наткнулась в темноте на стену, даже в глазах потемнело. Какой правильный, совершенно естественный вопрос. Правда, почему? И вся жизнь, вся жизнь могла бы быть совсем другой. Но почему?! Если бы раньше я знала его, знала, что он есть на свете, реальный и живой, а не только в моих мечтах и снах, я бы не ошиблась так. Что это, опять насмешка судьбы, сколько можно смеяться надо мной?!

Она молчала несколько минут, и Джеральд весело рассмеялся, видя в какой ступор ее ввели его слова.

– Мэгги, перестань, я пошутил. Просто подумал, задавалась ли ты когда-нибудь таким простым вопросом.

– Как видишь, Том очень скрытный человек, – стараясь заглушить горькую боль в голосе, ответила она.

– Да нет, скорей всего здесь все проще.

– Как? – Мэгги жаждуще посмотрела на супруга. Пусть сейчас же объяснит, кто во всем этом виноват, хоть будет виновник, будто от этого легче.

– Я думаю, ваши родители просто не очень ладили, вот и все.

Она пожала плечами.

– Не знаю, я до недавнего времени знала только Николаса О'Генри, отец при жизни довольно дружески с ним общался.

– Расскажу по секрету, – заговорщически начал Джеральд и опять рассмеялся над сосредоточенным лицом миссис Томпсон, – я однажды слышал, как Эрик МакКалестер вскользь жаловался отцу, что не знает, как устроить Тома на каникулах. Он хотел ехать в деревню к О'Генри, а вы с Энн будете скучать по нему. Эрик сказал, что знакомить вас не решается из-за Джона.

– Что? Из-за папы?!

– Он объяснял, что твой отец давно не держит зла на Филиппа, но опасается так ли это, с другой стороны.

– Но почему?!

– Понятия не имею, они не распространялись.

Вскоре Джеральд ушел в кабинет, рассмотреть бумаги, оставив супругу одну.

«Неужели, – думала она, охваченная каким-то паническим страхом, – сердце впервые обмануло меня?! Как это может быть? Столько страданий из-за одного лишь воображения? Красивая внешность! Так жестоко обмануться! А что тогда был тот взгляд на мосту?! Случайность?! Это ведь неправда! Как так можно? Что за глупое сердце, чего ему не хватало?! Но отец не мог просто так ненавидеть человека. Почему ненавидеть? «не держит зла», – так сказал Джеральд, что же между ними произошло? Я никогда не узнаю, не рас-

спрашивать же дядю Эрика или маму... Но, если отец не хотел даже знакомить своих детей с его сыном! Что же он такое сделал?!» От этих мыслей она холодела, все смешалось, реальность и бред. «Я ошиблась в чувствах? А если нет, значит, полюбила не достойного человека. Как это страшно, ужасно, низко, стыдно в конце концов... Как мое сердце могло сыграть такую злую шутку?!» Для Мэгги это действительно было ужасно, она никогда не могла понять людей, влюблявшихся в подлецов, мерзавцев. «Как – спрашивала она себя – видя все гнусные выходки такого человека, можно любить его?!» Это было выше ее пониманию, она всегда знала, что может полюбить только красивую душу, но никак не тело. А сейчас сама попала в ловушку. Как стыдно. Она еще сама не осознавала, насколько легче ей будет, если он правда окажется негодяем. Тогда не придется страдать, можно будет день за днем убеждать себя и пытаться его разлюбить. Постоянно сравнивать Джеральда с ним и убеждаться, что сделала правильный выбор. Как бы это было легко! Тогда, по крайней мере, исчезло бы это чувство о мечте – какой могла бы быть счастливой ее жизнь с ним!

Но стоило ей закрыть глаза, и она видела Майкла и все обвинения казались глупостью, пустяком. «Разве могут быть такие невинные глаза у низкого человека. Как же я люблю тебя!» И разум быстро нашел множество оправданий, во всяком случае, это отец, а сын может быть совершенно другим. И Том считает его лучшим другом. Сердце прощало ему все

прегрешения, если они были.

Сейчас Мэгги думала о другом. Мысль, не дававшая ей покоя столько же времени, как и ее неразделенная любовь. «Почему я так ошиблась? Джеральд и умен, и красив, и ласков, мне казалось, я люблю его. Он вполне подходил на роль мужа, которую и занял. Но здесь с самого начала было что-то не то, чему я не пожелала уделить внимание, заглушив другим. Все подходило здесь, на земле, но не на небе, наши души там не соединены. А вот моя и Майкла одно целое и понимаешь это только, когда встретишь судьбу. Кажется, у нас одинаковые мысли и говорить мы можем, о чем угодно и всегда будем понимать друг друга. А сколько лет прошло зря, как долго мы не говорили. Как это не самоуверенно, я все же знаю откуда-то, что права. Понимаешь и любишь не сделанной любовью, а первозданной, искренней и чистой. Тогда у тебя открываются глаза на жизнь, и ты ясно понимаешь, *что* это настоящая любовь, само это знание, когда можешь отличить ее среди остальных, бесценно! Она! Которую много раз звала, искала, пыталась представить, пока не пришло время, она молчала, словно ее и нет совсем или нет для тебя, молчала и ждала.

Да за одно это, можно отдать жизнь. Когда чувствуешь – он твоя судьба, вашу вселенскую неразлучность, пусть он и не знает об этом.

А Джеральд был простой, придуманной любовью, человеком, а не Богом, любовь тела, которое решило, что пришло

время и нужно влюбиться.

Но откуда мы знаем ее время, вот тебе исполнилось столько-то лет и значит пора. А может она придет через десять, двадцать лет, это не нам решать. И точно нас она не спросит. Человек всегда плохо решает сам для себя разумом, что бы ни было.

Обычная любовь перерастает в привязанность, обычная и смертная, как человеческое тело. Да тысячи семей живут так, и раньше я думала, это и есть любовь. А сама знала – в моем сердце есть место и силы для другой, совсем другой любви.

Боже! Милый, если бы не ты, я никогда не узнала бы этого великого счастья. Кто-то не верит, кто-то ищет и не находит, кто-то думает, что нашел, а я просто не знала, *что* это. Наверно, очень мало людей знают ее в лицо.

Только она не может перерасти в привычку. Эта испепеляющая и воскрешающая, мощная, неудержимая сила завладевает человеком и не дает жить спокойно, по мнению окружающих.

Но, не смотря на ее бешеную силу, в ней и есть покой для двоих, светлый, умиротворяющий. Если ей не с чем бороться она затихает и становится кроткой, но, ни на градус не остывает. А попробуйте ей помешать, и вы увидите всю ее силу, все грозное величие крепкого духа.

И вот, узнав ее, я не могу быть счастливой до конца. Непреодолимая преграда. Как странно, у многих есть бла-

гополучие, нормальное течение дней, когда все складывается хорошо, дети влюблены, родители довольны, юристы подписали договор, есть все, кроме редкой любви, то есть нормальной, когда и нужно жениться.

Не всякое чувство может называться высоким именем «любовь». И почему у него всегда все не благополучно. Или может из-за этих преград она и рождается, но я полюбила Майкла до свадьбы. Почему бы так не поступить с простой телесной любовью, она ведь не такая чувствительная, а настоящей дать дорогу? А может, настоящая всегда трагична, потому она и настоящая? Кто вообще может определить ее, кроме самих любящих. Или люди просто не ценят ту любовь, которая у них есть? Но почему я должна скрывать истинные чувства в угоду всему свету?! только бы не нарушить их спокойствие, не ломать и не опровергать правил жизни, ими придуманных правил!!! Я должна умереть со своей тайной, прожив жизнь с хорошим, но не любимым мужем и никогда не быть счастливой! Могу ли я что-нибудь изменить, не приносить себя в жертву условностям?! Могу, если бы он любил меня, но этого я не узнаю никогда – Мэгги закрыла глаза полные слез – Как же я люблю тебя! Мне кажется, я знаю все твои чувства и мысли, знаю, как ты поступишь в разных ситуациях, я чувствую тебя, и ты так близко».

«Вот так и умрет большое, настоящее чувство, ради которого стоит жить, благодаря ему существует этот мир, но люди не поймут, они растопчут его, разобьют вдребезги и даже

на миг не представят, что наделали! Как это ужасно невысказано!! Лучше умереть, чем жить так! Что же делать?! Что?.. Я все равно люблю тебя Майкл, ты моя жизнь, и пусть ты об этом никогда не узнаешь».

Вечером Мэгги с нервной тщательностью старалась быть красивее, чем есть, то расправляла складки, которых не было, то поправляла прическу. Сегодня ей предстояло испытание, должное оставить еще один рубец на сердце.

Джеральд с завораживающей счастливой улыбкой подошел к ней.

– Ты самая красивая женщина на свете.

Мэгги вздрогнула, потому что не заметила его. Он обнял ее плечи и поцеловал в шею.

– Почти семь, ты еще не готов.

– Я так увлекся делом одного аббатства, что не почувствовал времени. Нужно будет рассказать Майклу сегодня, интересно его мнение. Ладно, пойду, переоденусь.

Мэгги села на диван, в напряжении сжимая мокрые ладони. Как подсудимый ждет оглашения приговора, нет, как осужденный ждет казни.

Прошло минут пять невыносимого ожидания. Ей хотелось только, чтобы оно закончилось, неважно чем, только бы произошло что-нибудь. А так хотелось убежать отсюда сломя голову.

Но вот раздался звонок, и лакей отворил дверь. Она услышала как всегда весело-насмешливый голос Тома, хлопнув-

шего по-дружески спину изумленного слуги. Что было всего лучше в Томе, он всегда умел разрядить обстановку, и крайне редко читил этикет в отношении с близкими, не на людях, конечно.

Мэгги улыбнулась, когда попыталась представить лицо слуги, не привыкшего к такому обращению в доме чопорной Имоджин Томпсон.

Только миг и приближающиеся шаги застыли в ее крови. Она ясно поняла, что увидит сейчас Майкла, сейчас, только они пройдут положенные метры прихожей и коридора.

Том не позволил доложить о них и первым вошел в комнату. «Она как будто бледна – мелькнуло у него».

– Мэгги, милая, – целуя ее руку, воскликнул он, – добрый вечер.

– Добрый вечер, – что-то Том слишком эмоционален.

Следом вошел Майкл и она сразу опустила глаза. Он впервые поцеловал ее руку без перчатки и ощутил бархатистую, как лепестки, кожу. А у нее от его нежного прикосновения прошла дрожь.

– Добрый вечер, миссис Томпсон.

– Друзья, – вмешался Том, не дав ей ответить, – я хочу сказать, что в нашем тесном кругу старых знакомых можно обойтись и без церемоний.

– Если хозяйка не против, – ответил Майкл.

– Конечно, – она смотрела в его голубые глаза, такие чистые.

– Вот и отлично, – заключил Том и сел в кресло, отчего Мэгги, слегка покраснела. Она забылась в этот прекрасный миг созерцания и не предложила им сесть.

– Присаживайтесь, Майкл, – робко произнеся его имя, сказала она.

И сразу ей стало легче, она и сама не знала почему. Так просто и быстро его голубые глаза успокоили ее, как сегодня утром успокоило небо.

За столом живой и веселый разговор длился долго. Джеральд быстро договорился обо всем с Майклом и подхватил тему, развиваемую МакКалестером. А пока пятнадцать минут ее супруг и Майкл обсуждали деловые вопросы, Мэгги случайно задала другу вопрос. «Жизни и смерти –подумала она».

– Том, я хотела спросить тебя, почему ты так давно и близко знаешь Майкла, а знакомишь нас только сейчас?

Том застыл и поднял на нее глаза. Только сейчас, впервые за все время, он задумался, над смешным и непонятным стечением обстоятельств. Действительно, ведь с него все и началось. Как они не знали друг друга раньше, как это могло произойти?! Он был им братом, а они... Какой-то сумасшедший и в то же время справедливый вопрос. И она обвиняет его в том, чего он и сам не понимал. Это всколыхнуло душу, оставив глубокое сожаление.

– И сам не могу понять, – через время ответил он.

– Теперь уже все равно.

Том готов был поклясться, что ее равнодушный тон – ложь.

Когда на прощанье Майкл целовал ее руку, Мэгги сказала: «Надеюсь, мистер О’Генри вы поняли, что друг Тома – мой друг».

Майкл радостно вскинул голову и всем существом своим просил ее продолжать, сказать то, что она сказать не могла. И Мэгги это остро почувствовала, будто прочитав мысли. Она только любяще улыбнулась ему. И не так уж и много это для поломанной жизни. Неизвестно, когда еще она увидит его. Пусть хотя бы он унесет с собой сегодня ее улыбку, возможно вспомнив о ней случайно и тогда на миг, но она займет его мысли.

Глава восьмая

На следующее утро Том помчался к Браунам и приехал так рано, что застал их за завтраком.

– Доброе утро.

– Доброе, какой приятный сюрприз! – Нора была счастлива его появлению – В этот ранний час, Том, ты удивляешь меня.

– Я сегодня на редкость рано проснулся, видимо чудесный день, что сейчас на дворе, проспать было нельзя.

– Да, конечно. А потом я бы хотел надеяться, Энн составит мне компанию для прогулки в парке.

– Замечательно, дети погуляйте.

В такую погоду не могло не быть прекрасного настроения, день этот был создан по точному подобию райского, для жизни, счастья и любви. Яркое теплое солнце радостно светило на прозрачном голубом небе. Пахнувший летом воздух не мог просто так вдыхаться, нет, каждый вздох вливал в душу невыразимое предвкушение счастья, развеивая все грустные мысли. Так хотелось жить в такой день, он был вкусом жизни.

А эти двое молодые, красивые думали совсем не о солнце, небе, воздухе. Конечно, они сами того не замечая наслаждались этим утром, но мысль, занимавшую их головы, не так-

то легко было развеять.

– Рассказывай!

– О, Энни, знал бы я, что тебе рассказать. Ты это уже видела. Мэгги совсем не волновалась, ну может слегка. Но Майкл! Нет, не пугайся, он вел себя нормально, только... Не могу с ним сладить. Он постоянно на все твердит, что видел ее глаза. Конечно, глупость.

– И что он будет делать?

– Работать с Джеральдом, обедать у них... ты только представь, Энн, обедать у них! А ведь меня там может и не оказаться, да и не могу же я везде ходить за ним. Я в отчаянии, мне страшно. А он еще и не договаривает, пытается обмануть меня. Не разберусь, что он думает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.